

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

**СБОРНИК ТЕЗИСОВ
УЧАСТНИКОВ МЕЖВУЗОВСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ**

21 - 25 МАЯ 2012 ГОДА

**Москва
2012**

ББК 88.47

С 23

Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии (21-25 мая 2012 года). – М.: МГППУ, 2012. – 92 с.

Редакционная коллегия:

*В.В. Рубцов, Е.Н. Задорина, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов,
С.Н. Ениколопов, М.Г. Дебольский, И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева*

ISBN 978-5-94051-108-3

© МГППУ, 2012.

Уважаемые коллеги!

Предлагаем Вашему вниманию материалы Межвузовской научно-практической интернет-конференции по юридической психологии, уже второй раз проведенной факультетом юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

Основные задачи конференции – обсуждение актуальных проблем юридической психологии, анализ теоретических и практических подходов к их решению. Актуальными для отечественной юридической психологии являются исследования психологических проблем, связанных с агрессией, различными ее вариантами и гендерными аспектами, а также с факторами риска формирования девиантного и делинквентного поведения. Несомненное значение для науки и практики также имеет разработка программ профилактики социальной дезадаптации, психологической помощи детям и семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

В конференции приняли участие молодые исследователи из различных городов. Материалы конференции будут интересны студентам, магистрантам и аспирантам, специализирующимся в области юридической психологии.

Н.В. Дворянчиков

Проявления фрустрационных реакций в различных сферах жизнедеятельности старших школьников

*Апанасюк М.Н., студентка Нижневартковского государственного
гуманитарного университета, Нижневартовск
Научный руководитель – Архипова Т.Т.*

На протяжении многих лет в психологической науке обсуждаются различные аспекты, касающиеся эффективности образовательного процесса. Современная учебная деятельность школьников сопряжена со значительной психофизиологической нагрузкой, связанной с необходимостью овладения значительным объемом новых знаний и навыков, требующей длительной умственной работы большой сложности и интенсивности. В настоящее время психические состояния являются активно изучаемой категорией психических явлений. Они являются предметом исследования таких психологов как: В.А. Ганзен, Ф.Д. Горбов, Л.Г. Дикая, Л.В. Куликов, Н.Д. Левитов, А.Б. Леонова, А.О. Прохоров, Л.Р. Фахрутдинова и др. Исследованием психических состояний учащихся в различные периоды учебной деятельности занимались также Л.М. Аболин, Т.Н. Васильева, Г.Ш. Габдреева, Н.Б. Пасынкова, А.В. Плеханов, А.О. Прохоров, Ю.Е. Сосновикова и др.

Разработка проблемы психических состояний необходима для устранения размытости границ между психическими состояниями, психическими свойствами и процессами, определения временной актуализации психических состояний, создания комплексного диагностического инструментария для оценки психических состояний, в частности, состояния фрустрации.

Известно, что фрустрация возникает в условиях отрицательной социальной оценки и самооценки личности, когда оказываются затронутыми глубокие личностно-значимые отношения. В большей мере фрустрации

подвержены эмоциональные натуры, люди с повышенной возбудимостью, плохо подготовленные к невзгодам, трудностям, с недостаточно развитыми волевыми чертами характера.

В связи с этим целью исследования явилось изучение особенностей проявления фрустрационных реакций в различных жизненных ситуациях у старших школьников.

Для достижения цели использовались диагностические методики самооценки психических состояний Г. Айзенка; фрустрационных реакций С. Розенцвейга, уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана (в модификации В.В. Бойко).

Результаты исследования показали статистически значимую связь между уровнями фрустрированности и социальной фрустрированностью испытуемых. Квадратный коэффициент Пирсона равен 0,640655. Полученные в исследовании данные свидетельствуют о том, что уровень фрустрации школьников взаимосвязан с социальной средой, в частности, с такой сферой жизнедеятельности школьника, как учебная деятельность.

Типы фрустрационных реакций распределились по уровням фрустрированности испытуемых следующим образом.

Так, у опрашиваемых с высоким уровнем фрустрированности проявлялся экстрапунитивный тип реагирования с фиксацией на удовлетворении потребностей. Реакция испытуемых была направлена на окружение, внешняя причина реагирования на ситуацию осуждалась, а ее степень подчеркивалась; проявлялась постоянная потребность найти конструктивное решение конфликтной ситуации - либо в форме требования помощи от других лиц, либо в виде принятия на себя обязанности разрешить ситуацию, либо в уверенности в том, что время и ход событий приведут к ее разрешению.

Средний уровень фрустрированности был характерен для испытуемых с интрапунитивным типом реагирования, с фиксацией к самозащите: реакция была направлена на самого себя, с принятием вины или же ответственности

за исправление возникшей ситуации; имелась активность в форме отрицания или признания собственной вины, уклонения от упрека, направленная на защиту своего «Я». Также у опрашиваемых прослеживался импунитивный тип реагирования с фиксацией на самозащите и фиксацией на препятствии. Фрустрирующая ситуация рассматривалась школьниками как нечто незначительное или неизбежное, преодолимое со временем; обвинение окружающих или самого себя отсутствовало; препятствия, вызывающие фрустрацию, всячески акцентировались независимо от того, расценивались ли они как благоприятные, неблагоприятные или же незначительные; реакции были направлены на защиту своего «Я».

Низкий уровень фрустрированности испытуемых выражался импунитивным типом реакций с фиксацией на препятствии. Фрустрирующая ситуация в этом случае рассматривалась как нечто незначительное или неизбежное, то, что можно преодолеть со временем; испытуемые не обвиняли окружающих или самого себя; препятствия, вызывающие фрустрацию, всячески акцентировались ими независимо от того, расценивались ли эти помехи как благоприятные, неблагоприятные или незначительные. Также выявлялся интрапунитивный тип реагирования с фиксацией к самозащите - данная реакция характеризовалась направленностью на самого себя с принятием вины или же ответственности за исправление возникшей ситуации, активностью в форме отрицания или признания собственной вины, уклонениями от упрека и была направлена на защиту своего «Я».

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что различные уровни фрустрированности школьников определяют различные типы фрустрационных реакций. Так, высокий уровень фрустрированности отличается от среднего и низкого типом и направленностью реагирования, а средний и низкий уровень реагирования похожи типами и направленностью реакций. Отличия же заключаются в смежных типах фрустрационных реакций и их направленности.

Влияние условий отбывания наказаний на выраженность потребностей осужденных

*Бахарева Е.А., студентка Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук,
доцент Дебольский М.Г.*

Перед законодателем и специалистами пенитенциарной системы, осуществляющими исполнение наказания в виде лишения свободы, стоит непростая задача. Во-первых, отбывание наказания не должно проходить в комфортной для осуждённых среде. Это связано и с такой целью уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, и с целью исправления осуждённого и предотвращения рецидива. У отбывающего наказание не должно формироваться положительного отношения к исправительному учреждению; возможность реализации его физиологических и социальных потребностей должна быть ограниченной в такой степени, чтобы человек испытывал дискомфорт, подталкивающий к осознанию причин совершённого преступления и создающий нежелание у осуждённого повторно туда возвращаться. Во-вторых, условия лишения свободы должны способствовать духовному росту человека, включающему в себя морально-нравственное, интеллектуальное, эмоциональное и творческое развитие, что реализует по большей части цель исправления осуждённых, а за ней и предотвращение рецидива. На данный момент эта непростая задача не решена в полной мере, о чём говорит статистика рецидивных преступлений и возвращений в места лишения свободы. Несоответствие желаемого и реального результатов отбывания наказания отчасти связано с незнанием того, как объективно на осуждённых воздействуют условия отбывания наказания в исправительных учреждениях.

Человека можно рассматривать как социобиологическую систему, обладающую внутренними ресурсами и потребностями. Потребность является основной движущей силой любой деятельности человека. Выполнение целей исправительной системы может осуществляться только через воздействие на потребностную сферу осуждённых как на главный стимул их деятельности или через приучение осуждённых к законопослушным средствам удовлетворения потребностей. Исходя из этого, важно понимать и знать, как атрибуты и условия лишения свободы воспринимаются осужденными.

Нами была разработана анкета, изучающая выраженность потребностей, список которых был разбит на три блока – физиологические (потребности в сне, питании, воде, сексуальном удовлетворении и ПАВ), социальные (потребности в труде, общении, эмоциональных контактах и стремлении к достижениям) и духовные (альтруизм, стремление сделать мир лучше, потребность в творческом самовыражении и способность рассуждать о сложных экзистенциальных понятиях). Первый блок был представлен в анкете такими вопросами, как «Хочется ли Вам пить во время рабочего дня?», «Хочется ли Вам спать к концу рабочего дня?» и т.д. Во второй блок вошли вопросы о количестве человек, входящих в круг постоянного общения, частоте общения с другими людьми, стремлении к участию в конкурсах и победах в них, к работе на производстве и т.д. Третий блок включал в себя как закрытые вопросы, например, о частоте безвозмездной помощи другим и частоте рассуждений на тему «Зачем я живу?», так и открытые вопросы, в которых осуждённых просили ответить, в чём состоит смысл жизни и что такое совесть. Помимо вопросов, относящихся к выраженности тех или иных потребностей, в анкете присутствуют вопросы общего плана, например «Какие эмоции Вы чаще всего испытываете в местах лишения свободы?» или «Изменилось ли Ваше самочувствие за последнее время?», которые дают возможность оценить направление общего влияния отбывания наказания на осуждённых. Также осуждённым предлагалось

оценить трудность переживания ограничений, испытываемых на территории колонии, среди которых были ограничения, связанные с особенностями сна, питания, режима, отрывом от семьи и привычного образа жизни, невозможностью полноценного удовлетворения сексуальной потребности, необходимостью работать на производстве и т.д.

С помощью метода анкетирования было проведено исследование в одной из исправительных колоний общего режима, расположенной в Центральном Федеральном округе РФ. Было опрошено 30 осуждённых мужского пола в возрасте от 20 до 50 лет. Также была сформирована контрольная выборка законопослушных граждан, в которую вошли 30 студентов мужского пола старших курсов факультетов экономики и кибернетики МИРЭА. Для анкетирования контрольной группы была использована аналогичная анкета, отредактированная с учетом того, что отвечать на ее вопросы будут респонденты, не отбывающие наказание в местах лишения свободы.

В результате проведённого исследования были получены следующие данные.

Условия исправительных учреждений общего режима благоприятны для удовлетворения витальных потребностей осуждённых, более 50% которых не испытывают чувства голода и жажды во время рабочего дня и высыпаются за установленное на территории колонии время. Более того, ограничения, связанные с биологическими нуждами, не воспринимаются осуждёнными как тяжёлые, а оцениваются как безразличные или вполне переносимые. Единственной витальной потребностью, полноценное удовлетворение которой невозможно на территории ИУ, является половое влечение, вошедшее, по мнению осуждённых, в тройку самых обременительных ограничений.

При сравнении выраженности социальных потребностей в исследованной группе осуждённых и в контрольной группе, можно отметить, что в условиях отбывания наказания происходит их притупление.

Осуждённые имеют более низкие показатели по частоте общения с другими людьми (вплоть до полного отсутствия) и по количеству человек, входящих в круг постоянного общения; желание работать на производстве отсутствует у 50% осуждённых, а 68% не хотят работать в отряде хозяйственного обеспечения. У осуждённых также заметно снижена потребность в достижениях (57% испытуемых вовсе не стремятся участвовать в конкурсах и побеждать на соревнованиях), по сравнению с опрошенными студентами, (среди которых преобладает вариант «Стремлюсь», 59%).

Наличие у себя талантов и творческих способностей признают всего 28% опрошенных осуждённых, потребность в альтруизме развита у 25% из них.

Ответить на вопрос «В чём смысл жизни?» и дать определение понятию «совесть» удалось только 30% осуждённых, в отличие от контрольной группы с 93% справившихся. Также можно отметить, что ответы на вопрос о смысле жизни носили среди опрошенных экспериментальной группы конкретный, порой поверхностный, характер; абстрагирования и высокого уровня обобщения осуждённые не продемонстрировали. Определение понятия «совесть» большинство из них определило «по-бытовому», например, *«это когда делаешь обиду, обманываешь, а потом очень тяжело на душе»*. Более 50% осуждённых отметили, что редко задают себе сложные экзистенциальные вопросы о смысле жизни и своём предназначении.

К наиболее тяжёлым ограничениям, помимо полового влечения, осуждённые отнесли отрыв от семьи и привычного образа жизни, а также невозможность работать. К наиболее часто переживаемым психическим состояниям во время пребывания в ИУ относятся тоска (23%), скука (20%) и надежда на будущее (17%). Учитывая, что полюс доминирующих психических состояний - негативный, можно сделать вывод, что в целом условия отбывания наказания непродуктивны для позитивного исправления осуждённых.

Анализируя полученные результаты, мы приходим к таким выводам:

1. Условия отбывания наказания общего режима не воспринимаются осуждёнными как дискомфортные для удовлетворения витальных потребностей;

2. Лишение свободы притупляет у осуждённых социальные потребности, снижая потребность в общении, стремление к достижениям и не прививая любовь к труду;

3. Среда исправительного учреждения не способствует развитию духовного роста и предрасполагает к негативным психическим состояниям.

Общий вывод: изучение особенностей влияния лишения свободы на потребности осуждённых имеет большое прикладное значение в плане повышения эффективности исполнения наказаний. В связи с этим проведение дальнейших исследований в данном направлении представляется весьма перспективным.

Компетентность в профессиональном общении как фактор социальной эффективности сотрудника полиции

*Безрукова Е.Г., студентка Санкт-Петербургского
университета МВД России, Санкт-Петербург*

Научный руководитель – кандидат психологических наук

Душкин А.С.

Значимость компетентного общения для всех сфер жизнедеятельности человека не вызывает сомнений. Особенно это касается работы сотрудников полиции, которые сталкиваются с целым рядом социально-психологических проблем, порождаемых современной напряженной социально-экономической ситуацией, включающей в себя умножение межличностных контактов, усложнение их форм и увеличение числа экстремальных ситуаций в процессе общения.

Решение вопроса о выборе средств, пригодных для совершенствования навыков общения, зависит, прежде всего, от того, каким образом интерпретируется, понимается компетентность в общении.

В социальной психологии выделяются три основных компонента структуры общения: коммуникативный обмен, взаимодействие и восприятие человека человеком (Андреева Г.М., 1996). Из данного представления следует, что компетентность в общении — это сложное и многомерное образование. В широком смысле в него включаются: компетентность в межличностном восприятии, межличностной коммуникации, межличностном взаимодействии. В узком смысле под коммуникативной компетентностью понимается способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. В связи с этим в состав компетентности включают также некоторую совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное протекание коммуникативного процесса.

Деятельность сотрудников органов внутренних дел, предусматривающая развитое общение, всегда включает в себя две схемы общения: это субъект-объектное общение, которое обуславливает между партнерами распределение ролей «манипулятора» и «манипулируемого» (например, общение по типу приказов, указаний, предписаний различного рода и т.д.), и субъект-субъектное общение, которое характеризуется равенством позиций сторон, адекватным взаимопониманием, взаимопереживанием и взаимной гуманистической установкой по отношению друг к другу. Последняя схема часто реализуется как в ситуациях общения полицейского с потерпевшими, так и во многих других ситуациях, когда сотрудник полиции и другое лицо одинаково заинтересованы в общении друг с другом.

Ложное или узкое понимание интересов дела, незаметная для самих сотрудников органов внутренних дел подмена одной схемы другой, стоящей на уровне личных интересов, приводят к тому, что при общении с гражданским населением среди полицейских начинает считаться вполне

допустимыми такие явления, как невнимание, черствость, порой доходящая до грубости и прямых угроз. Аналогичное отношение нередко переносится на коллег по службе и даже в сферу семейных отношений. Таким образом, выигрывая в малом при решении текущих задач, сотрудники полиции ставят под угрозу авторитет всей правоохранительной системы в целом. Отказывая людям во внимании и участии, не стремясь к пониманию и устанавливая этим барьеры в общении, некомпетентные в коммуникативном плане сотрудники, по сути дела, отказываются от содействия и помощи населению, усиливают социальную напряженность, создают дополнительные трудности в работе.

Специфика профессиональной деятельности полицейского обуславливает также наличие и дальнейшее развитие значимых в коммуникативном плане личностных качеств. Это, прежде всего, направленность на людей; наличие соответствующих характеристик интеллектуальной, эмоциональной и волевой сфер; высокая степень развития основных характеристик внимания, наблюдательности, памяти, мышления, воображения; умение «прочитывать» невербальные сообщения (Бодалев А.А., 1995). Сформированная у личности направленность на человека способствует успешности общения, выбору способов взаимодействия, наиболее соответствующих особенностям другого человека; в этой направленности проявляется отношение, которое порождает в личности ориентацию, прежде всего, на положительные качества в другом человеке.

Компетентность в общении также обуславливает достаточно большой объем внимания, умение его распределять, сосредотачивать, переключать. Между тем, наблюдения свидетельствуют о том, что у некоторых сотрудников полиции данные характеристики внимания хорошо выражаются при взаимодействии с миром вещей, слабо проявляясь при взаимодействии с миром людей. В этом смысле профессионально-значимой для всех категорий сотрудников полиции, особенно, для работников следственного аппарата, оперуполномоченных уголовного розыска, в многочисленных ситуациях их

служебной деятельности является умение фиксировать мельчайшие колебания во внешнем поведении подозреваемых, допрашиваемых, свидетелей и т.д., и судить об истинном характере изменений в настроении человека, отмечать малозаметные, но существенные для контекста ситуации моменты.

Коммуникативная компетентность предполагает свободное владение вербальными и невербальными средствами общения. Умение говорить предполагает способность человека точно формулировать свои мысли, излагать их доступным для собеседника языком, ориентироваться в информационных контактах на собеседника.

Коммуникативная компетентность занимает особое место в формировании уровня самоуважения индивида, поскольку результат любого взаимодействия с окружающими каждый человек, осознанно или неосознанно, рассматривает с точки зрения оценки своей коммуникативной компетентности. При этом степень успешности задуманных актов влияния и используемых при этом средств произведения впечатления на других людей принимаются им за меру своей коммуникативной компетентности.

Исходя из того, что по своей форме и содержанию коммуникативная компетентность сотрудника ОВД непосредственно соотносится с особенностями выполняемых им социальных ролей, его основное внимание сосредотачивается не на всей совокупной культуре общества, а только на полезной ему профессиональной служебной практике.

Профессиональная компетентность становится значимой, жизненно необходимой для сотрудника полиции, что в результате накладывает определенный отпечаток на его общую коммуникативную компетентность. Очевидным индикатором этого процесса является использование профессиональной лексики. Следующим признаком являются обнаруживающиеся показатели профессионально должностной шаблонизации сферы неформального общения. Чем выше степень указанных

проявлений, тем больше оснований говорить о профессиональной деформации личности полицейского.

Социально-психологическое обучение, направленное на устранение перечисленных негативных явлений, ставит своей задачей осознание полицейскими границ своей профессиональной коммуникативной компетентности и общей коммуникативной компетентности - с целью гармонизации и упорядоченности этих сфер общения.

Список литературы:

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 1996. 376 с.
2. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.

Психологические проблемы анализа поведения делинквентных подростков

***Бублей М.В., магистрантка Нижневартковского государственного гуманитарного университета, Нижневартовск
Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Михайлова О.Ю.***

Каждому обществу свойственны такие формы социальных отклонений и в тех масштабах, какие вытекают из конкретно-исторических условий его существования – социальных, экономических, политических, нравственных и пр. Объем социальных отклонений позволяет судить о нравственном климате данного общества, уровне законности и правопорядка, степени сплоченности социальных групп.

Оценка любого поведения подразумевает его сравнение с какой-то нормой. Нестандартное, отклоняющееся от нормы поведение часто называют девиантным.

Девиация – социальное поведение, отклоняющееся от считающегося «нормальным» или социально-приемлемым в обществе либо в социальном

контексте. Хотя девиация охватывает и преступное поведение, ее сфера намного шире. Кроме того, не всякое преступное поведение оценивается как девиация - например, мелкие нарушения правил дорожного движения.

Современные знания о девиантном поведении личности позволяют утверждать, что мы имеем дело с чрезвычайно сложной формой социального поведения личности, детерминированного системой взаимосвязанных факторов. Анализ психолого-педагогической и социологической литературы показал, что в настоящее время существует множество подходов к определению понятия «девиантное поведение». Социологический подход определяет девиацию как отклонение от общепринятых, усредненных стереотипов поведения и выделяет два типа девиантного поведения - созидательной и разрушительной направленности.

Девиантное поведение деструктивной направленности – совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил. Вследствие этого данный подход отождествляет разрушительную (асоциальную) девиацию только с преступностью – поведением уголовно наказуемым, запрещенным законом, и является лишь одной из форм данного вида девиантного поведения. Психологический подход рассматривает девиацию как отклонение от естественного для конкретного индивида поведения. Поэтому, например, некоторые ученые считают девиантным поведение, «застревающее» на каком-то одном паттерне, хотя он может и не являться антисоциальным. Социально-психологический подход объясняет причины, влияющие на появление отклоняющегося поведения, так: девиантное поведение – результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании человека. (Змановская Е.В., 2006).

По мнению Р.В. Овчаровой, отклонения в поведении подростков могут быть обусловлены следующими группами причин:

а) социально-педагогической запущенностью, когда подросток ведет себя неправильно в силу своей невоспитанности, отсутствия у него необходимых позитивных знаний, умений, навыков или в силу «испорченности» неправильным воспитанием, сформированностью негативных стереотипов поведения;

б) глубоким психическим дискомфортом, вызванным неблагополучием внутрисемейных взаимоотношений, отрицательным психологическим микроклиматом в семье, систематическими учебными неудачами, неблагоприятно сложившимися взаимоотношениями со сверстниками, неправильным (несправедливым, грубым, жестоким) отношением к нему со стороны родителей, учителей, товарищей и т.д.;

в) отклонениями в состоянии психического и физического здоровья и развития, возрастными кризисами, акцентуациями характера и другими причинами физиологического и психоневрологического свойства;

г) отсутствием условий для самовыражения, разумного проявления внешней и внутренней активности; отсутствием занятости полезными видами деятельности, отсутствием позитивных и значимых социальных и личных жизненных целей и планов;

д) безнадзорностью, отрицательным влиянием окружающей среды и развивающейся на этой основе социально-психологической дезадаптацией, смещением позитивных социальных и личных ценностей на негативные (Овчарова Р.В., 1996).

К социальным факторам, негативно влияющим на развитие и поведение подростков, Р.В. Овчарова относит:

1) негативные процессы, происходящие в обществе (безработица; отсутствие социальных гарантий и государственной поддержки экономически несостоятельных семей с детьми; разрушение и кризис традиционных институтов социализации подрастающего поколения; пропаганда насилия и жестокости средствами массовой информации; отсутствие своевременной и квалифицированной диспансеризации детей,

позволяющей выявлять физические и психические нарушения здоровья подростков и оказывать им соответствующую помощь; высокая доступность табака, алкоголя, наркотиков);

2) неблагополучное состояние семьи и ее атмосферы (неполная семья, плохое материальное положение семьи; низкий социально-культурный уровень родителей; неблагоприятный стиль воспитания в семье (отсутствие единых требований к ребенку, жестокость родителей, их безнаказанность и несправедливость к ребенку), злоупотребление родителями алкоголем, наркотиками);

3) несовершенство организации внутришкольной жизни (плохая материальная обеспеченность школы; отсутствие налаженной, систематической связи школы с семьей учеников и рычагов воздействия общественности на родителей, не занимающихся воспитанием ребенка; нехватка учителей-предметников; частая отмена уроков; неудовлетворительная организация внеклассной работы; отсутствие детских организаций в школе; внедрение новых несовершенных учебных программ, переоценка педагогами собственных ценностных ориентиров (и, как следствие, непонимание «чему и как учить?»); низкий уровень развития и учебной мотивации детей, поступающих в школу (Овчарова Р.В., 1996).

Неблагоприятные условия жизни и воспитания в семье, проблемы овладения знаниями и связанные с этим неудачи в учебе, неумение строить взаимоотношения с окружающими и возникающие на этой основе конфликты, различные психофизические отклонения в состоянии здоровья ребенка – все это ведет к душевному кризису, потере смысла существования (Павленок П.Д., 1998).

Э. Дюркгейм в основной причине девиаций видит аномию, буквально — «отсутствие закона, организации». Согласно этому определению, аномия – это такое состояние социальной дезорганизации, как «социальный вакуум», в котором старые нормы и ценности уже не соответствуют реальным отношениям, а новые еще не утвердились. Э. Дюркгейм также подчеркивал необходимость объяснения различных форм социальной

патологии именно как общественных явлений. Например, количество самоубийств объясняется не столько зависимостью от внутренних свойств индивида, сколько внешними причинами, управляющими людьми (Дюркгейм Э., 1994).

В парадигме глубинной психологии развитие личности, а также отклонения в процессе развития, влекущие за собой, в том числе, и нарушения поведения в подростковом возрасте, рассматриваются в основном сквозь призму детско-родительских отношений.

В этом подходе основную роль в формировании личности ребенка, его установок и моделей поведения играют факторы эмоциональных взаимоотношений между родителями и растущим ребенком. Так, представители глубинной психологии (Эриксон, Адлер), отводившие основную роль в развитии ребенка социальным аспектам, тем не менее, говорили о влиянии семьи и семейных отношений на формирование отклоняющегося поведения у детей и подростков.

По Эриксону, если ребенок на ранних стадиях своего развития не получал необходимой материнской заботы, если подавлялось его стремление к самостоятельности и инициативе, отсутствовало поощрение со стороны родителей, то это может привести к смещению ролей в подростковом возрасте и, соответственно, нарушению поведения. Адлер считал, что помимо органической неполноценности, возникновение комплекса неполноценности детерминирует также избалованность или отверженность ребенка родителями, что приводит к возникновению стремления к личному превосходству и нарушает развитие социального интереса, в результате чего поведение ребенка может стать неадекватным социальным устоям и нормам.

Психоаналитические теории рассматривают в качестве причин возникновения отклонений в поведении человека такие факторы, как конфликт между бессознательными влечениями и ограничениями со стороны Эго и Супер-Эго; неадекватно сформированные защитные механизмы, несоответствие между стремлением к удовольствию и учетом реальности,

что также напрямую зависит от позиции родителей в воспитании ребенка и стиля их отношений.

Более подробно аспект влияния детско-родительского взаимодействия на дальнейшую жизнь ребенка рассматривает теория объектных отношений. С этой точки зрения основной причиной формирования отклоняющегося поведения является дефицит эмоционального контакта младенца с матерью, чрезмерная фрустрация его потребностей, отсутствие холдинга, первичной поддержки матери, ее тревожность, неадекватность. Наличие таких отклонений во взаимодействии диады «мать-ребенок» обусловлено психологическими характеристиками матери, содержанием ее бессознательного, ее установками.

Таким образом, влияние социума на формирование личности ребенка и моделей его поведения неоспоримо, однако на самых ранних стадиях развития оно опосредованно родительской позицией, стилем воспитания. Культурно-исторический опыт и социальные нормы и устои преподносятся ребенку через призму его отношений с родителями, родительских установок, на которые влияют также переживаемые родителями собственные конфликты, бессознательные процессы, сфера их супружеского взаимодействия. Также родители играют главную роль в возникновении и формировании девиантного поведения подростков – поскольку помимо сознательного, целенаправленного воспитания, которое они обеспечивают своему ребенку, на него воздействует и вся внутрисемейная атмосфера, причем эффект этого воздействия значительно превышает все прочие факторы.

Список литературы:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.
2. Змановская Е.В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 288 с.
3. Овчарова Р.В. Практическая психология образования. М., 1996.

4. Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 1998.

Агрессивное поведение и копинг-стратегии у подростков

Будыкин А.В., студент Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Богданович Н.В.

В связи с ростом количества ситуаций, провоцирующих агрессию, в современном обществе все более актуальной задачей становятся контроль, сдерживание и предотвращение агрессии. Свой вклад в рост уровня агрессивности вносит и мировой экономический кризис, под влиянием которого даже привычные в другое время ситуации, на которые люди ранее реагировали спокойно, выступают в роли провоцирующих агрессивные реакции. Аналогичным образом растет количество случаев аутоагрессии. Поэтому особую значимость приобретают исследования, дающие ответ на вопрос о существовании внутренних психологических факторов, влияющих на снижение уровня агрессии.

Для выяснения того, какие именно психологические переменные могут быть связаны с агрессией и ее сдерживанием, были проведены два пилотажных исследования. В них принимали участие 22 подростка в возрасте 15 - 17 лет.

В исследованиях использовались следующие методики: 1) «Опросник уровня агрессивности Басса-Дарки»; 2) «Опросник копинг-стратегий Р. Лазаруса и С. Фолкмана» (Вассерман Л.И., 2005); 3) Опросник Плутчика-Келлермана-Конте «Индекс жизненного стиля», для диагностики психологических защит (Вассерман Л.И., 2005); 4) «Тест фрустрационной толерантности С.Розенцвейга»; 5) «Опросник COPE Ч. Кавера, М. Шейера и Д. Вентрауба для диагностики копинг-стратегий» (в адаптации Т. Гордеевой

и В. Шевяховой); б) Опросник «Шкала оценки влияния травматического события IES-scale» (Тарабрина Н.В., 2002).

Первое исследование было направлено на изучение взаимосвязи между уровнем агрессивности, копинг-стратегиями и психологическими защитами личности. Оно строилось на предположении, что, проявляя агрессию, человек должен использовать психологические защиты – чтобы избежать осознания того, что он поступает агрессивно. Другое предположение состояло в том, что, если рассматривать агрессию как копинг-стратегию (Лэнгле А., 2007), то при ее высокой выраженности другие типы копинг-стратегий будут использоваться в меньшей степени.

Полученные данные были проанализированы с помощью статистической программы Statistica 6.0., с использованием корреляционного анализа. Результаты показали наличие связи между агрессией, копинг-стратегиями и психологическими защитами.

Все обнаруженные значимые корреляционные связи агрессии и враждебности с психологическими защитами положительны (за исключением механизма отрицания). Полученные результаты можно объяснить тем, что при высоком уровне агрессивности и враждебности у человека появляется необходимость в искажении картины мира – для сохранения положительного отношения к себе. При низком же уровне агрессивности и враждебности такой необходимости у человека не возникает.

При повышении уровня агрессивности отмечалось повышение таких показателей защитных механизмов, как регрессия, компенсация и замещение. При повышении уровня враждебности (обида + подозрительность) становились выше показатели по вытеснению. Таким образом, при работе защитного механизма по типу отрицания проблемы снижаются обида и раздражительность. Следовательно, данный тип защиты способствует сдерживанию агрессии.

Взаимосвязи агрессивности, враждебности и копинг-стратегий оказались противоположны по знаку. Только конфронтационный копинг и косвенная агрессия имеют значимую положительную корреляционную связь. Все остальные копинг-стратегии имеют с показателями агрессивности отрицательные связи. Это проявляется в том, что при использовании копинг-стратегий - таких, как самоконтроль, положительная переоценка ситуации - уровень агрессивности, раздражения и вербальной агрессии снижается. Для других копинг-стратегий взаимосвязи с показателями методики Басса-Дарки обнаружено не было.

Второе исследование было направлено на изучение связи между типами реакции на фрустрацию, копинг-стратегиями и уровнем психической травматизации.

Для того, чтобы оценить воздействие агрессии на человека, инструкция методики IES-scale была изменена. Испытуемым предлагалось оценить воздействие на них ситуаций, когда они были свидетелями агрессии, жертвами агрессии или же когда их провоцировали на агрессию. Подросткам предлагалось записать содержание этих ситуаций, а потом оценить свою реакцию на них. Наиболее часто упоминались: словесные оскорбления, ссоры, драки, разрыв отношений.

Полученные данные были проанализированы с помощью статистической программы Statistica 6.0., с использованием корреляционного анализа. Так как данных, полученных в ходе данного пилотажного исследования, оказалось недостаточно, то, кроме значимых коэффициентов корреляции учитывались также те, которые *приближались* к уровню значимости.

В целом значимых корреляций оказалось немного. Анализ взаимосвязей между типами реакций на фрустрацию и другими изучаемыми показателями дал следующие результаты.

Склонность к использованию такой копинг-стратегии, как поведенческий уход от проблемы, оказалась противоположна склонности к экстрапунитивной реакции на фрустрацию (агрессии).

Стратегия «переосмысление ситуации в позитивных терминах» положительно связана с интрапунитивными реакциями (агрессия, направленная на себя, самообвинение, сдерживание внешних проявлений агрессии) и с реакциями, направленными на удовлетворение потребности (либо кто-то другой решит проблему, либо я сам ее решу, либо проблема решится сама собой).

С типом фрустрационной реакции, направленной на удовлетворение потребности, оказалась положительно связана такая копинг-стратегия, как отрицание (по методике Плутчика-Келлермана-Конте отрицание рассматривается как защитный механизм).

Копинг-стратегия «сдерживание» (или «самоконтроль» в методике Лазаруса-Фолкмана) выявила отрицательную взаимосвязь с выраженностью экстрапунитивных реакций на фрустрацию. И в первом, и во втором исследовании данная стратегия показала себя как фактор сдерживания агрессии.

Также обнаружена положительная корреляционная связь между преобладанием экстрапунитивных реакций и показателем «вторжение» (в методике IES-scale), что в контексте нашего исследования показывает достаточно сильное травматическое воздействие агрессии.

В заключение следует отметить необходимость дальнейших исследований данной темы, в том числе, в направлении изучения того, как на психику человека воздействует агрессия, которая не была проявлена.

Список литературы:

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007.
2. Бурлачук Л.Ф. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2008.

3. Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б., Петрова Н.Н., Беспалько И.Г., Беребин М.А., Савельева М.И., Таукенова Л.М., Штрахова А.В., Аристова Т.А., Осадчий И.М. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля: Пособие для психологов и врачей. СПб.: НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005.
4. Либина А.В. Совладающий интеллект. М.: Эксмо, 2008.
5. Лэнгле А. Эмоции и экзистенция. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
6. Суркова Е.Г. Проективные методы диагностики. М.: Аспект Пресс, 2008.
7. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2002.
8. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. СПб.: Речь, 2007.

Влияние жизнестойкости личности на переживание экстремальных ситуаций (на примере гражданских лиц и сотрудников спецподразделений)

*Будыкин С.В., студент Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук,
доцент Дворянчиков Н.В.*

Критические ситуации, с которыми сотрудники правоохранительных органов сталкиваются довольно часто, можно рассматривать не только как фактор, автоматически ведущий к психической патологии, но и как катализатор внутренних изменений, даже несмотря на то, что эти ситуации могут нарушать психологическое равновесие.

Акцент на патологии обеспечивает только частичное понимание многообразия последствий психических травм, которым подвергаются сотрудники правоохранительных органов; при том, что многие из них демонстрируют позитивные сдвиги в результате воздействия экстремальных

ситуаций (Burke Paton, 2006; Huddleston, Paton Stephens, 2006).

Так как проблема понимания и коррекции посттравматической патологии должна оставаться приоритетом в исследованиях и психотерапии, есть настоятельная необходимость в дополнительных исследованиях позитивных и адаптивных последствий (последних в особенности, поскольку сотрудники правоохранительных органов в процессе своей профессиональной деятельности сталкиваются с экстремальными ситуациями постоянно). Если факторы, оказывающие влияние на рост и адаптацию, могут изменяться в результате действий самих сотрудников, то становится возможным делать выбор в соответствии с природой ожидаемых критических событий (Paton, 2006).

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с экстремальными ситуациями разного характера постоянно, тогда как для гражданских лиц экстремальные ситуации носят внезапный характер.

Предмет исследования: последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и гражданских лиц.

Гипотезы исследования: 1) экстремальные ситуации оказывают разнонаправленное влияние на личность человека; 2) экстремальные ситуации имеют различные психологические последствия для сотрудников правоохранительных органов и для гражданских лиц.

Объект исследования: особенности психических последствий экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и у гражданских лиц.

Цель исследования: исследовать психические последствия экстремальных ситуаций.

Методы исследования:

1) методика копинг-стратегий в адаптации Гордеевой Т.О.; 2) шкала оценки влияния травматического события (Impact of Event Seale-R) в адаптации Тарабриной Н.В., 1992, 1996; 3) тест жизнестойкости Сальваторе

Мадди в адаптации Леонтьева Д.А. Рассказовой Е.И.; 4) опросник посттравматического роста (ПТР) (Calhoun, Tedeschi, 2006) в адаптации Магомед-Эминова М.Ш.

В соответствии с целью и гипотезой исследования в ходе его проведения решались следующие **задачи**:

1) сравнить выраженность психологического эффекта экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и у гражданских лиц; выявить общие различия между ними; 2) проанализировать негативные и позитивные психологические последствия экстремальных ситуаций у сотрудников правоохранительных органов и у гражданских лиц; проанализировать взаимосвязь между ними.

Для решения поставленных задач применялись следующие **методы статистической обработки данных**: 1) анализ достоверности различий; 2) корреляционный анализ с использованием коэффициента корреляции Пирсона, факторного анализа и t-критерия Стьюдента.

Исследование было построено по принципу ex-post-facto дизайна.

Поскольку исследование было посвящено психологическим эффектам экстремальных ситуаций, то все его участники имели опыт их такого переживания; это изучалось с помощью анкетирования.

Испытуемыми выступили:

- сотрудники правоохранительных органов, чья работа связана с прогнозируемым риском (социогенно-техногенным) и чей уровень психологической готовности к экстремальным ситуациям должен быть выше обычного;

- гражданские лица, столкнувшиеся в своей жизни с такими экстремальными ситуациями, как автомобильные аварии (респонденты при этом не находились за рулем). Это тип ситуаций, которые нельзя предсказать и к которым нельзя подготовиться. В результате такие ситуации воспринимаются пострадавшими как находящиеся вне их контроля и являющиеся результатом злой воли или неосторожности другого человека

(так называемые социогенно-техногенные экстремальные ситуации).

Выборка была подобрана исходя из указанного критерия, так как в литературе имеются данные, говорящие о различных последствиях экстремальных ситуаций в зависимости от их типа и степени их подконтрольности и прогнозируемости.

Анализ результатов интерпретировался в соответствии с используемым методом математико-статистического анализа данных. Последовательно рассматривались результаты анализа достоверности различий, корреляционного и факторного анализа.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Не все экстремальные ситуации способствуют посттравматическому личностному росту. Внезапные, неожиданные экстремальные ситуации, в которых виновны другие люди, снижают показатели личностного роста. Возможно, именно поэтому такого рода экстремальные ситуации, согласно имеющимся в литературе данным, имеют наиболее тяжелые последствия для личности; в том числе, после их наступления чаще возникает ПТСР.

2. У сотрудников правоохранительных органов значительно больше выражен посттравматический личностный рост в результате экстремальных ситуаций; то есть, они более успешно извлекают позитивный опыт и перерабатывают травматический опыт проживания экстремальных ситуаций.

3. У сотрудников правоохранительных органов существенно выше жизнестойкость личности, в частности, такие ее показатели, как вовлеченность и уверенность в подконтрольности значимых событий жизни; кроме того, у них сильнее выражен посттравматический личностный рост.

4. Стратегии совладания, в основном, способствуют позитивным личностным изменениям, наступающим в результате экстремальной ситуации; использование копинг-стратегий во многом связано с жизнестойкостью личности.

5. Если травмы накладываются друг на друга, то негативные по-

следствия, наступающие в результате каждой из них, взаимно усиливаются.

6. Показатели ПТСР не связаны с жизнестойкостью личности и посттравматическим личностным ростом. Что же касается посттравматического личностного роста, то он может быть доказательством того, что две указанные линии реакции на экстремальную ситуацию не зависят друг от друга.

7. Некоторые стратегии совладания способствуют развитию ПТСР, несмотря на то, что, в основном, они ему препятствуют.

8. Экстремальные ситуации разнонаправленно влияют на жизнестойкость личности: они могут как повышать ее, выступая «психологическим тренажером» для личности, так и снижать, ухудшая, в том числе, способность человека противостоять жизненным невзгодам.

9. Разного рода экстремальные ситуации запускают разные стратегии совладания. Одни из них ведут к повышению жизнестойкости и силы личности, другие к посттравматическому личностному росту, а третьи способствуют развитию ПТСР.

10. Психологические последствия экстремальных ситуаций могут быть как негативными (возникновение ПТСР), так и позитивными (усиление жизнестойкости и посттравматический рост личности).

Таким образом, воздействие экстремальных ситуаций опосредуется не только жизнестойкостью личности, но и используемыми для его преодоления копинг-стратегиями. Так как у сотрудников правоохранительных органов жизнестойкость выше, то все полученные в исследовании взаимосвязи, которые держатся на жизнестойкости личности, демонстрируют нам повышение способности сотрудников правоохранительных органов противостоять негативному воздействию экстремальных ситуаций.

Список литературы:

1. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им.

- М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002.
2. Магомед-Эминов М.Ш. Новые аспекты психотерапии посттравматического стресса. М., 2004.
 3. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
 4. John M. Violanti Residuals of Police Occupational Trauma The Australasian Journal of Disaster and Trauma Studies Volume : 1997. URL: <http://www.massey.ac.nz/~trauma/>
 5. Paton D. & Karena J. Burke Personal and Organizational Predictors of Posttraumatic Adaptation and Growth in Police Officers//The Australasian Journal of Disaster and Trauma Studies ISSN: 1174-4707 Volume: 2007. URL: <http://www.massey.ac.nz/~trauma/>

Некоторые стереотипы социального восприятия сотрудников органов внутренних дел в ситуации минимума доверия в отношениях между российскими полицейскими структурами и населением

*Груздева А.О., студентка Санкт-Петербургского
университета МВД России, Санкт-Петербург
Научный руководитель – кандидат психологических наук
Душкин А.С.*

Когда заходит речь о взаимоотношениях власти и населения, то первой ассоциацией выступают взаимоотношения правоохранительных (полицейских) структур и граждан. Данный тип отношений представляет собой сложную динамичную систему взаимосвязей и взаимозависимостей полиции и населения, подверженную влиянию внутренних и внешних факторов. Многоплановость причин и последствий (стимулов и реакций), определяющих характер указанных выше отношений, требует объективизации и расстановки приоритетов, рейтинг которых впоследствии

может стать отправной точкой к новациям и изменениям - как со стороны органов внутренних дел, так и со стороны населения.

Отношения между полицией и населением представляют собой многовековую и мировую проблему. Особую остроту она приобретает в эпоху социальных катаклизмов, потрясений, революционных изменений. В XX веке импульс обострения данной проблеме придала Вторая мировая война, прямо и косвенно обеспечившая рост преступности, страх человека перед ней, социальную панику перед преступным беспределом — факторами, получившими статус национального бедствия практически во всех странах мира.

Острота данной проблемы в современной России также может быть объяснена с позиций переживания кризиса перехода к новому и непонятному для большинства россиян образу жизни эпохи «воинствующего капитализма», презревшего абсолютное число общечеловеческих ценностей. Общим результатом анализа откликов о криминальной ситуации в стране в средствах массовой информации (Интернет, периодические издания, публицистика, художественная литература и др.) может быть ряд штрихов к портрету сотрудников ОВД в глазах населения:

- отсутствие эффективных способов защиты граждан и их законных интересов;
- коррумпированность (наряду с тотальной коррумпированностью властных структур и правоохранительных органов);
- противоправные действия сотрудников ОВД в отношении граждан — от безразличного отношения (преступного бездействия) вплоть до пыток.

Альтернативная оценка сложившейся ситуации в отношениях полицейских структур и населения может быть дана через призму социального конфликта.

Под социальным конфликтом понимается наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих во взаимодействии между индивидами, различными социальными общностями, группами,

вызванных несовпадением их мотивов, интересов, ценностей, идеалов, сопровождающихся негативными эмоциональными переживаниями, а также протекающих форме противоборства, в котором стороны стремятся нанести друг другу ущерб (материальный или духовный) (Гришина Н.В., 2001).

Если руководствоваться вышеуказанными признаками, то во взаимоотношениях населения и российских полицейских структур четко усмотреть открытый конфликт можно не всегда. Однако любой обыватель может легко согласиться с присутствием в данных отношениях признаков надвигающегося конфликта. О степени конфликтности отношений могут свидетельствовать следующие сигналы: дискомфорт, инциденты, недоразумения, напряжение, кризис (Хелена Корнелиус, 1992).

Признаки появления психологического дискомфорта у граждан при взаимодействии с сотрудником ОВД обнаружить достаточно легко, но найти соответствующие данному феномену словесные эквиваленты и описания трудно. Дискомфорт — это интуитивное ощущение, что «что-то не так», хотя сложно выразить это ощущение словами. В этом аспекте наиболее продуктивным подтверждением присутствия данного сигнала была бы собственная реакция (читателя) на следующие вопросы:

- В ситуации, когда у Вас нет при себе часов, но точное время узнать необходимо, обратились бы Вы с соответствующим вопросом к встреченному на пути сотруднику ОВД?

- В процессе общения на вечеринке, изменилось бы Ваше настроение, готовность к взаимодействию и стиль общения с соседом, который случайно в разговоре упомянул о том, что работает в ОВД?

- Какие эмоции (положительные или отрицательные) возникают у Вас в связи с необходимостью осуществления функций понятого при осуществлении следственных действий?

- Желаете ли Вы сотрудничать с представителями органов внутренних дел, информируя их о возможных готовящихся преступлениях и правонарушениях?

- Будет ли, по Вашему мнению, позитивной реакция представителей органов внутренних дел в ответ на Ваше желание сотрудничать?

Преобладание отрицательных ответов служит свидетельством наличия дискомфорта во взаимоотношениях между конкретным человеком и полицией. Инциденты с участием сотрудников ОВД также являются сигналом, способствующим росту напряженности в отношениях между полицейскими структурами и населением.

Напряжение — это очевидный сигнал. Состояние напряжения искажает восприятие другого человека (сотрудника ОВД) и многих его действий. Взаимоотношения обременяются весом негативных установок и предвзятых мнений, чувства значительно изменяются к худшему. Сами взаимоотношения с полицейским становятся источником непрерывного беспокойства. Ситуация подобна древесному сухостю, готовому вспыхнуть от первой искры.

Результатом этого может стать кризис в отношениях между органами внутренних дел и населением, на факт присутствия которого указывают граждане, социологи, психологи и сами руководители правоохранительных структур, признавая очевидными:

- неспособность своевременно и качественно защитить жизнь, здоровье, права и свободы граждан;

- отсутствие взаимного доверия между сотрудниками и населением;

- злоупотребление властью и насилием со стороны части сотрудников органов правопорядка;

- значительный вес коррупционной составляющей в организации деятельности тех структур, которые должны с ней бороться.

Попытки найти причины сложившейся ситуации регулярно встречаются во мнениях и выступлениях руководства нашей страны, представителей министерства внутренних дел. Регулярно в средствах массовой информации появляются эмоционально напряженные выпады в адрес правоохранительных органов. При сопоставлении смысла этих реплик с конкретными эпизодами из жизни российских правоохранительных органов напрашивается единственно возможный вариант ответа: претензии, замечания, критика со стороны общественности и граждан по отношению к качеству осуществления профессиональной деятельности некоторыми сотрудниками ОВД совершенно справедливы и должны стать предметом детального анализа и немедленного реагирования со стороны органов правопорядка, особенно, ОВД и прокуратуры. Однако следует признать очевидным перенос социального негатива по отношению к деятельности «мерзавцев в погонах» на работу значительного числа ответственных подвижников, сотрудников ОВД, трудяг, которые, несмотря на минимум материальных благ, предоставляемых государством, продолжают защищать закон и правопорядок. Однако именно последние становятся объектами предвзятости и негативных стереотипных оценок со стороны гражданского населения.

Сам смысл построения фразы — «со стороны гражданского населения» — уже свидетельствует об определенном противопоставлении ОВД и общества, что выступает базовой характеристикой современных отношений полицейских структур и населения в России.

Вышеуказанные элементы образа сотрудника ОВД являются результатом достаточно длительного процесса дискредитации, имеющего внутренние и внешние причины, анализ которых является предметом многочисленных отечественных и зарубежных исследователей. Система вышеуказанных характеристик нуждается в психологически компетентном анализе, результатом которого должна стать разработка системы мер

противодействия утверждению негативных стереотипов в массовом сознании.

Список литературы:

1. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2001. 464 с.
2. Хелена Корнелиус, Шошана Фейр. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты. М.: Стрингер, 1992. 116 с.

Взаимосвязь эгоцентризма и показателей ПТСР у лиц, принимавших участие в боевых действиях

***Есипова Д.Е., студентка Южного Федерального Университета,
Ростов-на-Дону
Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Михайлова О.Ю.***

В настоящее время все большую актуальность приобретает изучение психологических последствий, наступающих у человека в результате его участия в боевых действиях; ведущее место в числе таких исследований занимает изучение боевого ПТСР. Особый вклад в это изучение в России внесли такие исследователи как Зеленова М.Е., Караяни А.Г., Китаев-Смык Л.А., Котенев И.О., Лазебная Е.О., Литвинцев С.В., Резник А.М., Снедков Е.В., Тарабрина Н.В., Фокин А.А. и многие другие.

Литвинцев С.В. с соавторами дает следующее определение боевого ПТСР – это «затянувшиеся или отсроченные условно адаптивные психические изменения и психические расстройства, возникающие вследствие факторов боевой обстановки» (Литвинцев С.В., Снедков Е.В., Резник А.М., 2005, с.16). В исследованиях Тарабриной Н.В. с соавторами показано, что частота возникновения ПТСР среди ветеранов войны в Афганистане достигает 17% (Зеленова М.Е., Лазебная Е.О., Тарабрина Н.В., 1997, Тарабрина Н.В., 2003). У 19 % ветеранов первой чеченской кампании также диагностируются признаки ПТСР (Лазебная Е.О., Зеленова М.Е.,

1999). У ветеранов войны во Вьетнаме ПТСР развивалось в 30,6% случаев (Знаков В.В., 1990).

Однако развитие посттравматического стрессового расстройства может быть только «вершиной айсберга» психологических последствий участия человека в боевых действиях. Оно может быть связано и с разнообразными личностными изменениями. Например, Пашукова Т.И. (Пашукова Т.И., 2001) отмечает, что нарушение системы отношений с внешним миром, которое имеет место при ПТСР, ведет к нарушениям эго-системы. Под эго-системой понимается «связка элементов, которая организует целостное и ценностное поведение человека в системе его отношений с другими людьми и в обществе» (Пашукова Т.И., 2006, с.71), то есть, это уникальная для каждого человека в каждый данный момент времени «смысловая модель мира». Механизмом возможного предохранения эго-системы от разрушения является эгоцентризм, который определяется как «центрация на собственной точке зрения, мыслях, целях, переживаниях» (Пашукова Т.И., 2001, с.10). Автор отмечает, что, возникая в силу необходимости сохранить эго-систему в исходном состоянии и предохранить ее от возможного разрушения, эгоцентрическое состояние усложняет установление взаимопонимания и координации точек зрения, позиций и планов человека при взаимодействии с другими людьми, то есть, затрудняет социальное взаимодействие личности (Пашукова Т.И., 2001).

В разное время проблемой эгоцентризма занимались Ж. Пиаже, Г. Дюпон, Д. Элкин, П.П. Блонский, Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе и др. Но все эти исследования были направлены преимущественно на изучение эгоцентризма у детей и подростков, поэтому данных об особенностях эгоцентризма во взрослом возрасте значительно меньше. Более того, исследований эгоцентризма во взаимосвязи с ПТСР до настоящего времени не проводилось вовсе.

На основе теоретического анализа мы сделали предположение о том, что у лиц, принимавших участие в боевых действиях, существует взаимосвязь между уровнем эгоцентризма и показателями ПТСР.

Опираясь на теоретические данные, нами было проведено пилотажное исследование.

Цель и задачи пилотажного исследования

Целью нашего исследования было изучение взаимосвязи эгоцентризма и ПТСР у лиц, принимавших участие в боевых действиях.

Эмпирическими задачами являлись: 1) изучение взаимосвязи эгоцентризма и показателей ПТСР; 2) сравнение групп респондентов с низким и высоким уровнем эгоцентризма между собой.

Объектом исследования выступили психологические особенности лиц, принимавших участие в боевых действиях. Предметом - особенности ПТСР у лиц с различным уровнем эгоцентризма.

Гипотезы исследования

Нами были выдвинуты следующие гипотезы: 1) существует взаимосвязь между уровнем эгоцентризма и показателями ПТСР;

2) существуют различия в показателях ПТСР между лицами с низким и высоким уровнем эгоцентризма.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели и задач исследования нами был использован следующий методический инструментарий: 1) методика «Тест эгоцентрических ассоциаций» Пашуковой Т.И., 2) «Опросник травматического стресса» Котенева И.О., 3) «Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (военный вариант)» (Keane Т.М.).

Выборка

В исследовании приняли участие сотрудники ОМОН и военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях и контртеррористических спецоперациях на территориях Чеченской республики, Кабардино-Балкарской республики, республики Дагестан,

Южной Осетии. Общее количество испытуемых - 16 человек в возрасте от 21 года до 36 лет.

Результаты пилотажного исследования

Изучение взаимосвязи эгоцентризма и показателей ПТСР

В результате математического анализа данных не было обнаружено значимых корреляционных связей между эгоцентризмом и показателями ПТСР, однако выявилась тенденция к корреляции ($r=-0,431$, $p=0,09$) между уровнем эгоцентризма и таким проявлением ПТСР, как сверхбдительность. Примечательно, что, чем выше был показатель эгоцентризма, тем ниже был показатель уровня сверхбдительности.

Сравнительный анализ групп испытуемых с низким и высоким уровнем эгоцентризма

По шкале «оптимизм» были выявлены значимые различия между группами респондентов с низким и высоким уровнем эгоцентризма ($p=0,021$). Средние ранговые значения показателей у лиц с низким уровнем эгоцентризма более чем в 2,5 раза превышали средние ранговые значения показателей у лиц с высоким уровнем эгоцентризма.

По шкале «проблемы со сном» была выявлена тенденция к значимым различиям ($p=0,074$). Здесь средние ранговые значения показателей у лиц с высоким уровнем эгоцентризма в 2 раза превышали средние ранговые значения показателей, имевшихся у лиц с низким уровнем эгоцентризма.

Выводы пилотажного исследования:

1. Существует тенденция к взаимосвязи между уровнем эгоцентризма и таким показателем ПТСР, как сверхбдительность.
2. Существуют различия среди показателей ПТСР между лицами с низким и высоким уровнями эгоцентризма.

В связи с тем, что данные, полученные нами в ходе данного пилотажного исследования, представляют определенный научный интерес, мы считаем дальнейшее изучение рассматриваемой проблемы обоснованным.

Список литературы:

1. Зеленова М.Е., Лазебная Е.О., Тарабрина Н.В. Психологические особенности посттравматических стрессовых состояний у участников войны в Афганистане // Психологический журнал, 1997. Т-188. С. 34-48.
2. Знаков В.В. Письмо в редакцию (Сравнительный анализ психологических последствий участия в войне для ветеранов Вьетнама и Афганистана) // Психологический журнал, 1990. Т.11 № 5. С. 164-165.
3. Котенев И.О. Опросник травматического стресса для диагностики психологических последствий несения службы сотрудниками ОВД в экстремальных условиях. М.: Академия МВД России, 1996.
4. Лазебная О.Е., Зеленова М.Е. Военно-травматический стресс: особенности посттравматической адаптации участников боевых действий // Психологический журнал, 1999. Т-20. № 5. С. 62-74.
5. Пашукова Т.И. Феноменология эгоцентризма в общении // Мир психологии, 2006. №4. С. 90-96.
6. Пашукова Т.И. Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции. Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001. 338 с.
7. Тарабрина Н.В. Основные итоги и перспективные направления исследований посттравматического стресса // Психологический журнал, 2003. Т-24. № 4. С. 5-18.

Развитие правосознания у студентов, обучающихся на факультетах с юридической направленностью

Жигачев А.С. студент Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Калашикова А.С.

Правосознание как совокупность социальных установок к преступлениям и преступникам, наказанию и, главным образом, к закону, правоохранительной, судебной и пенитенциарной системам (Гулевич О.А., 2009. С. 25) в наши дни является наиболее актуальной темой. Несмотря на некоторый спад преступности, наблюдающийся в последние годы, уровень правонарушений по-прежнему остается на высоком уровне.

Анализ как отечественной, так и зарубежной литературы показал наличие научных работ, посвященных изучению правового самосознания студентов, однако рассмотрение проблем данной тематики в научных трудах не затронуло вопроса сформированности правового развития и ценностных ориентаций у студентов юридических специальностей. Это и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования - выявить влияние юридической направленности факультета на развитие правосознания студентов.

Задачи исследования - 1. Исследовать уровень правосознания и ценностные ориентации студентов, обучающихся по специальностям «Юридическая психология» и «Психология образования». 2. Выявить влияние юридической направленности факультета на развитие правосознания у обучающихся там студентов.

Объект исследования - правовое самосознание студентов факультета юридической психологии.

Предмет исследования - уровень развития правосознания и ценностные ориентации у студентов, обучающихся на факультете с юридической направленностью.

Гипотезы исследования - 1. Уровень правового развития у студентов, обучающихся на факультете с юридической направленностью выше, чем у студентов, обучающихся на факультете без юридической направленности. 2. Студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву, чем студенты факультета психологии образования.

Применяемые методики - 1. Сокращенная версия опросника Дж. Тапп и Ф. Левина (Воловикова М.И., 2004; Николаева О.П., 1993). 2. Методика для изучения ценностей личности Ш. Шварца (Карандашев В.Н., 2004).

Полученные данные были обработаны с помощью статистической программы Statistica 6.0., с применением метода корреляционного анализа.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Правопослушание, правоподдержание и правотворчество являются различными уровнями правосознания личности и связаны с различными ценностями.

2. Различные уровни правосознания связаны с разным уровнем активности личной и гражданской позиции человека (минимальная – при преобладании правопослушания, максимальная – при доминировании установки на правотворчество).

3. Правопослушание рассматривается как условие развития личности и является проявлением стремления к безопасности и развитию, правоподдержание – как проявление активной жизненной позиции личности порой в ущерб собственной безопасности, правотворчество – проявлением стремления к безопасности на качественно новом уровне, не путем избегания противоправных действий, а путем совершенствования законов и норм.

4. Полученные значимые корреляционные взаимосвязи между уровнями правосознания и ценностями отражают имеющиеся у студентов глубинные, не всегда осознаваемые и вербализуемые представления о причинно-следственных взаимосвязях между правом и другими значимыми сторонами жизни.

5. Уровень правосознания и гражданская позиция личности развиваются в процессе получения специального образования и юридических знаний.

6. В структуре правосознания студентов обоих факультетов доминирует правоподдержание, при меньшей выраженности правопослушания и правотворчества.

7. Правовое самосознание студентов факультета юридической психологии является более сформированным по сравнению с правовым самосознанием студентов факультета психологии образования. В частности, такой уровень правосознания, как правотворчество, оказался более выражен у студентов факультета юридической психологии. Уровень правопослушания одинаково слабо выражен у студентов обоих факультетов, а уровень правоподдержания сильнее выражен у студентов факультета психологии образования.

8. Студенты факультета психологии образования предпочитают занимать активную правовую и гражданскую позицию, а студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву как к динамичной системе (в то время как студенты факультета психологии образования чаще относятся к нему как к данности).

Итак, в ходе проведения исследования было выявлено, что студенты факультета психологии образования предпочитают занимать активную правовую и гражданскую позицию, а студенты факультета юридической психологии демонстрируют более творческое отношение к праву как к динамичной системе - по сравнению с отношением студентов факультета психологии образования, которое чаще является более формальным.

Следовательно, студенты факультета с юридической направленностью обучения более предрасположены к переходу на высший уровень правосознания.

Список литературы:

1. Гулевич О.А. Психологические аспекты юриспруденции. М., 2009.
2. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб., 2004.
3. Николаева О.П. Правовая и моральная зрелость личности. М., 1995.

Психологические проблемы жертв преступлений, получивших сочетанную и множественную соматическую травму

Захарченко Д.А., студентка Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор Дозорцева Е.Г.

Проблема множественных и сочетанных соматических травм в настоящее время является по-настоящему острой. Особенно важным оказывается её социальное значение – как правило, подобные повреждения получают мужчины молодого и среднего возраста, при этом 15-25% пострадавших полностью утрачивают трудоспособность. Тяжесть такого рода травм определяет и длительность лечебного процесса, который занимает значительное количество времени как на клиническом, так и на реабилитационном этапе. По мнению М. Моhta и соавт. (2003), это оказывает влияние на психологическое состояние пострадавшего. Кроме того, значимыми оказываются и такие факторы, как состояние беспомощности, внезапность травматического события, изменения во внешности, временная или стойкая утрата трудоспособности. Аналогичным образом, как указывают S. Islam и соавт. (2012), в случаях повреждений лица важную роль играет и атрибуция вины за произошедшее, особенно, в ситуациях, связанных с

насилием. По данным В.А. Соколова (2006), за последние 10-15 лет количество политравм, полученных в результате противоправных действий, резко возросло.

В связи с этим нами была поставлена задача изучения эмоциональной сферы и особенностей агрессивности у больных, ставших жертвами преступлений.

Исследование проводилось на базе отделения сочетанной и множественной травмы НИИ скорой помощи им. Н.В. Склифосовского. В основную группу вошли 20 мужчин, не имеющих тяжёлых черепно-мозговых травм (ЧМТ) и психических заболеваний и получивших травму в результате противоправных действий. В группу сравнения были включены 20 пациентов мужского пола без ЧМТ и психической патологии, получившие травму в результате неосторожности.

Для диагностики указанных сфер использовались следующие методы: беседа, анализ медицинской документации, психодиагностические опросные методы (шкала ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросник депрессивности Бека (BDI), личностный опросник агрессивности Басса-Перри).

Мы предположили, что больных, получивших травму насильственным путём, отличает более высокий уровень депрессии, тревожности (как ситуативной, так и личностной) и агрессивности, а атрибуция вины тесно связана с психологическим состоянием пациентов, особенно, в случае обвинения других людей.

При сопоставлении результатов по опроснику депрессивности Бека статистически значимых различий между группами не обнаруживается: средний балл в основной группе и в группе сравнения составляет 10,1 и 10,8 баллов соответственно. При этом мы также сравнили баллы, полученные по вопросам, составляющим когнитивно-аффективную шкалу - так как баллы по шкале соматических проявлений могли быть набраны в результате влияния полученной травмы, однако значимые различия не выявились и в этом

случае: в основной группе средний балл составил 5,3 балла, в группе сравнения – 6,1.

Показатели тревожности также мало различаются в обеих группах (личностная тревожность: основная группа – 35,9 баллов, группа сравнения – 36,9 баллов; ситуативная тревожность: основная группа – 38,6 баллов, группа сравнения – 39,8 баллов), значимых различий также не выявляется.

При исследовании агрессивности между группами обнаруживаются значимые различия при $p < 0,01$. Средний балл в основной группе и группе сравнения составляет 42,9 и 56,0 баллов соответственно - то есть, больных, получивших травму в результате противоправных действий, отличает, в среднем, более низкий уровень агрессивности. При этом их показатели являются менее сбалансированными.

При исследовании атрибуции вины больные разделились на три группы: обвиняющие себя, обвиняющие других, обвиняющие обстоятельства или Бога. В основной группе (20 человек) себя обвиняли 5 человек, других людей – 14, обстоятельства или Бога – 1. В группе сравнения (20 человек) себя обвиняли 11 человек, других людей – 3, обстоятельства или Бога – 6. Мы сравнили показатели эмоциональной сферы и агрессивности в основной группе в связи с атрибуцией вины – обвинением себя или других, как противоположных тенденций. Значимые различия обнаруживаются в баллах по когнитивно-аффективной шкале опросника депрессивности Бека ($p < 0,05$) и агрессивности ($p < 0,05$). Средний балл по когнитивно-аффективной шкале депрессивности Бека среди обвиняющих в происшедшем других людей – 4,2 балла, в группе обвиняющих себя – 7,4. Средний показатель агрессивности по опроснику Басса-Перри – 38,2 и 57,8 соответственно. Также отмечаются различия в показателях по отдельным шкалам опросника Басса-Перри. В частности, по шкалам физической агрессии ($p < 0,05$) и гнева ($p < 0,05$) – обвиняющих себя больных отличают более высокие результаты по обеим шкалам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что связь между показателями эмоционального состояния и обстоятельствами получения травмы отсутствует. При этом обстоятельства получения травмы связаны с уровнем агрессивности – больных, получивших травму в результате противоправных действий, отличает, в среднем, более низкий уровень агрессивности, однако показатели в этой группе менее сбалансированы. Атрибуция вины влияет на переживание травмы больными, ставшими жертвами преступлений – обвиняющих себя пациентов отличает более высокий уровень агрессивности (в частности, по шкалам физической агрессии и гнева) и депрессии (по когнитивно-аффективной шкале депрессивности Бека). Это может быть связано со спецификой самообвинений больных, пострадавших в результате насилия, поскольку все обвинявшие себя испытуемые, исследованные нами, выражали сожаление по поводу того, что они не смогли дать отпор нападавшему или группе нападавших, и именно поэтому считали себя виноватыми. Критерием вины у подобных больных является физическая сила. Её значимость в системе ценностей и пребывание в положении слабого, а не сильного, вероятно, провоцировало появление депрессивных переживаний. Отметим, что данная гипотеза, несомненно, требует исследования большей выборки испытуемых и позволяет определить дальнейшее направление исследований.

Список литературы:

1. Соколов В.А. Множественные и сочетанные травмы. Практическое руководство для врачей-травматологов. М.: ГОЭТАР-Медиа, 2006.
2. Islam S., Cole J.L., Walton G.M., Dinan T.G., Hoffman G.R. Does attribution on blame influence psychological outcomes in facial trauma victims? *Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*. 2012. March; 70 (3).
3. Mohta M., Sethi A.K., Tyagi A., Mohta A. Psychological care in trauma patients. *Injury*. January; 34 (1).

Применение метода игротерапии в работе с детьми младшего школьного возраста

Кузнецова Т.А., студентка Московского городского психолого-педагогического университета, Москва

Научный руководитель – Вуколова О.В.

Всем нам хорошо известно, сколько проблем возникает у ребенка, когда он приходит в первый класс. Есть трудности, которые возникают у родителей и учителей. Трудность родителей – малыша жалко, его лишают беззаботного детства, навешивают непосильный груз обязанностей, впереди у ребенка длинная трудная жизнь. Трудность учителя – надо из этого малыша сделать достойного школьника, привить любовь к учению, к знаниям, научить соблюдать правила школьной жизни. Трудность ребенка – он обязан слушаться значимого взрослого, выполнять не всегда понятные для него задания, тихо сидеть, у него нет возможности поиграть, когда захочется.

Когда ребенок приходит в школу, он пытается усвоить новую роль ученика. В 6-7 лет у него только формируются произвольное поведение, развивается наглядно-образное мышление, речь, формируется интеллектуальная деятельность. Но без помощи учителя оформиться как ученику ему тяжело. У ребенка возникают проблемы, которые тот пытается решить, но в силу маленького жизненного опыта он не может этого сделать. Решение этих проблем – главная задача учителя и психолога. Их можно решить через игротерапию.

Игротерапия – метод воздействия на детей и взрослых, страдающих эмоциональными нарушениями, страхами, повышенной конфликтностью в отношениях, тревожностью. Она начала развиваться в рамках психотерапевтического подхода. Широкое распространение приобрела в 40-50-х годах.

К игротерапии обращались многие известные личности. Зигмунд Фрейд и его дочь Анна, Мелани Кляйн, Д. Леви, В Акслейн, М. Левинфельд, Д.Б. Эльконин, Захаров и многие другие.

Игра имеет огромное значение для младшего школьника. Она помогает ему преодолеть трудности в сфере отношений с взрослыми – с учителем, психологом, с родителями; трудности в сфере отношений со сверстниками – когда младшие школьники не могут согласиться с мнением своего сверстника, но посредством игротерапии учатся отстаивать свою позицию; трудности в сфере отношения к себе – чаще всего завышенная самооценка не позволяет ребенку правильно оценить свои силы и возможности, что может привести к нервным срывам и потере интереса к учебе, и в худшем случае развития ситуации, к школьной дезадаптации.

Так же игротерапия может быть хорошим средством для коррекции агрессивного поведения. Существуют игры, способные помочь ребенку выплеснуть накопившуюся за день энергию, переработать негативную энергию, восстановить внутренне равновесие. Игра так же способствует коррекции упрямства, негативизма.

Что касается применения игротерапии в работе с семьей, то этот вид коррекции может помочь взрослым почувствовать себя ребенком и лучше понять свое чадо, а детям быстрее раскрепоститься перед родителями. В семьях, где есть маленькие дети, игры являются своего родом способом общения малыша с родственниками. В игре проявляется способность семьи к созданию атмосферы взаимной поддержки. Психолог получает много информации, наблюдая за игрой ребенка, может увидеть актуальные вещи, как для самого ребенка, так и для его семьи, проблемы во взаимоотношениях между родственниками. Так же для психолога важен сам процесс, высказывания и ассоциации всех участников игры, чувства, которые они испытывают. С помощью игры психотерапевт может помочь семье обсудить конфликты, понять их, выяснить причину возникновения данного конфликта и попытаться найти пути его разрешения. Таким образом, игротерапия

является эффективным методом как при работе с детьми в рамках учебного процесса, так и в семейном консультировании.

Стиль воспитания в семье и ценностные ориентации у подростков с девиантным поведением

Лозовенко А.С., студентка Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Коноплева И.Н.

Подавляющее большинство отечественных и зарубежных исследований, направленных на изучение условий, способствующих нарушениям поведения у подростков (в частности асоциального и антисоциального), во многом связаны с недостатками семейного воспитания (Шакурова М. В., Фельдштейн Д.И., Мардахаев Л.В., Мудрик А.В., Галагузова М. А., Курек Н.С., Фурманов И.А., Лакосина Н.Д., Эйдемиллер Э.Г., Личко А.Е., Илешева Р.Г. и др.)

Среди многих исследователей наблюдается повышенный интерес к проблеме отклоняющегося поведения подростков (Дозорцева Е.Г., Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П., Ошевский Д.С., Горьковая И.А., Комарова И.А., Печникова Л.С. и др.). Проблема девиантного поведения – это проблема общества в целом и ее решение способствует успешному духовному и нравственному развитию общества и государства.

С практической точки зрения актуальность данного исследования состоит в том, что, выявив особенности стиля семейного воспитания и ценностных ориентаций подростков, склонных к девиантному поведению, станет возможным наметить основные направления психологической работы как непосредственно с подростками, так и с их родителями.

Цель исследования: изучение стилей семейного воспитания и ценностных ориентаций у подростков с девиантным поведением.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– Провести эмпирическое исследование стилей семейного воспитания и ценностных ориентаций у подростков, склонных к девиантному поведению;

– Рассмотреть гендерные различия в рейтинге ценностей у подростков с девиантным поведением, а также различия в рейтинге ценностей в полных и неполных семьях подростков с девиантным поведением;

– Выявить связь стиля семейного воспитания с ценностными ориентациями подростков с девиантным поведением.

Объект исследования: 30 девиантных подростков (15 девочек, 15 мальчиков), стоящих на сопровождении Отделения ГБУ «Городского центра Дети Улиц» ЮВАО, в возрасте 14-15 лет.

Предмет исследования: связь стиля семейного воспитания с ценностными ориентациями подростков с девиантным поведением.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что у девиантных подростков связь ценностных ориентаций и методов семейного воспитания проявляется по-разному.

Частные гипотезы:

1) Существуют различия в рейтинге ценностей у мальчиков и девочек с девиантным поведением;

2) Существуют различия в рейтинге ценностей в полных и неполных семьях подростков с девиантным поведением.

В данном исследовании были использованы следующие методики:

1) Методика А.Н. Орел «Диагностика склонности к отклоняющемуся поведению» (СОП);

2) Опросник «Подростки о родителях» (ADOR);

3) Методика определения ценностных ориентаций М. Рокича.

Выборку эмпирического исследования составили 30 девиантных подростков (15 девочек, 15 мальчиков), в возрасте 14-15 лет, стоящие на сопровождении Отделения ГБУ «Городского центра Дети Улиц» ЮВАО и на учете в КДНиЗП за совершение различных правонарушений.

Исследование представлений подростков о том, какие техники, установки и методы воспитания используют их родители, выявило, что подростки, прежде всего, отмечают непоследовательность воспитательной тактики своих родителей, причем это касается как отцов, так и матерей. Обращает на себя внимание и выраженная автономность во взаимоотношениях подростков и родителей: и со стороны отцов, и со стороны матерей показатели автономности занимают второе место по численным значениям. На третьем месте стоит враждебность, затем – позитивный интерес, и на последнем – директивность.

Анализируя результаты исследования ценностных ориентиров у девиантных подростков, можно отметить, что в качестве ценностей-целей они выделяют такие показатели, как «Наличие хороших и верных друзей», «Здоровье», «Счастливая семейная жизнь», «Любовь», «Активная деятельная жизнь», «Жизненная мудрость». В качестве ценностей-средств по достижению целей подростки выделяют такие показатели, как «Воспитанность», «Жизнерадостность», «Аккуратность», «Независимость», «Ответственность», «Образованность».

В ходе исследования распределения ценностей гипотеза о том, что в рейтинге ценностей у мальчиков и девочек существуют явные различия, не подтвердилась. В целом в распределении терминальных и инструментальных ценностей у мальчиков и девочек значимых различий выявлено не было, за исключением значимого различия в сфере «Уверенность в себе». Девочки данную ценность-цель ставят на более высокое место в рейтинге терминальных ценностей, чем мальчики.

Значимые различия в рейтинге ценностей между детьми из полных и неполных семей были выявлены только в двух сферах - «Непримиримость к

недостаткам в себе и окружающих» ($p=0,022$) и «Ответственность» ($p=0,039$). Ценность «Ответственность» для подростков, воспитывающихся в полной семье, более значима, в отличие от подростков, воспитывающихся в неполных семьях. В целом же в распределении ценностей не было выявлено значимых различий, кроме уже описанных, что опровергает гипотезу о существовании явных различий в рейтинге ценностей в полных и неполных семьях подростков с девиантным поведением.

Также в ходе исследования было выявлено, что существуют специфические для групп мальчиков и девочек корреляционные связи между стилем семейного воспитания и ценностными ориентациями. В группе мальчиков ценность-цель «Наличие хороших и верных друзей» связана с позитивным интересом со стороны отца и автономностью со стороны матери ($r=0,836$; $r=0,694$). Позитивный интерес со стороны отца имеет обратную связь с ценностью «Здоровье» ($r=-0,671$). Ценность-цель «Уверенность в себе» коррелирует с позитивным интересом со стороны матери и непоследовательностью со стороны отца ($r=0,556$; $r=0,769$). Ценность-средство «Жизнерадостность» связана с директивностью со стороны матери ($r=0,546$). Автономность со стороны матери положительно коррелирует с ценностью «Независимость» ($r=0,757$). Отрицательную корреляцию имеют непоследовательность со стороны отца с ценностью «Терпимость» ($r=-0,738$) и автономность со стороны отца с инструментальной ценностью «Чуткость» ($r=-0,769$).

В группе девочек ценность-цель «Интересная работа» связана с директивностью со стороны матери ($r=-0,570$). Выявлена положительная корреляция между позитивным интересом ($r=0,672$), эмоциональным принятием ($r=0,742$) со стороны отца и ценностью «Активная деятельная жизнь», а также эта ценность имеет обратную связь с враждебностью со стороны отца ($r=-0,636$). Ценность «Познание» связана с непоследовательностью со стороны матери ($r=-0,618$). Ценность-средство «Аккуратность» в группе девочек является самой значимой и коррелирует с

директивностью со стороны матери ($r=-0,621$) и отца ($r=-0,739$); враждебностью ($r=-0,700$), непоследовательностью ($r=-0,679$) со стороны отца; контролем в семье ($r=-0,555$; $r=-0,652$). Директивность со стороны матери ($r=0,719$) и отца ($r=0,653$), враждебность ($r=0,825$) со стороны отца, эмоциональное принятие со стороны отца ($r=0,762$), контроль со стороны матери ($r=0,579$) и отца ($r=0,659$) положительно коррелируют с ценностью «Ответственность».

По итогам исследования можно заметить следующее:

1. Гипотеза о том, что у девиантных девочек и мальчиков связь ценностных ориентаций и методов воспитания в семье проявляется по-разному, подтвердилась.

2. Полученные результаты опровергли частную гипотезу о существовании различий в рейтинге ценностей у мальчиков и девочек с девиантным поведением.

3. Полученные результаты опровергли частную гипотезу о существовании различий в рейтинге ценностей девиантных подростков из полных и неполных семей.

Список литературы:

1. Вассерман Л.И., Горьковская И.А., Ромицына Е.Е. Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике. Учеб. пособие. СПб.: «Речь», 2004. 256 с.
2. Кривцова С.В. и др. Подросток на перекрестке эпох. М.: Генезис, 1997. 288 с.

**Из опыта участия студентов в проведении КСПЛЭ на базе НИЦСЭИК
КГУ им. К. Э. Циолковского**

*Моисеев А.В., студент Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского, Калуга
Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Енгальцев В.Ф.*

В настоящее время возросло количество запросов от правоохранительных органов на проведение комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз (КСПЛЭ). Поэтому неизбежно встает вопрос о необходимости изучения теоретической и методологической базы для производства экспертиз, в том числе, с привлечением студентов-психологов, обучающихся по специализации «Юридическая психология», поскольку это способствует повышению качества квалифицированной подготовки студентов [4].

В связи с этими обстоятельствами становится актуальным участие студентов и в проведении комплексных судебных психолого-лингвистических экспертиз (КСПЛЭ), называемых также «психолого-автороведческими экспертизами». Указанные экспертизы назначаются в случаях, когда необходимо установить истинность показаний по уголовному делу - в связи с их противоречивостью, подозрениями в подготовленности или недостоверности. В комиссию экспертов входят как эксперты-психологи, так и эксперты-лингвисты (автороведы) [2].

В ходе проведения КСПЛЭ эксперты-психологи и лингвисты отвечают на вопросы, специфические для каждой из двух специальностей, однако, первые могут опираться на мнение вторых [7].

В практике проведения КСПЛЭ эксперты используют следующие основные методы исследования текста: психологический, психолингвистический, дискурсивный, контекстуальный, семантический,

сравнительно-сопоставительный. Данные методы очень подробно и понятно изложил в своих трудах С. Тичер [8].

В практике проведения КСПЛЭ можно выделить три основных направления вопросов, которые ставятся на разрешение экспертов:

а) выявляются ли признаки достоверности/недостоверности показаний;
б) выявляются ли признаки подготовленности/спонтанности показаний;

в) выявляются ли противоречия в показаниях, и если да, то какие психологические механизмы этому способствуют.

Рассмотрим каждое направление более подробно.

В отношении выявления психологических признаков достоверности/недостоверности текста следует отметить распространенное ошибочное мнение о том, что в компетенцию эксперта-психолога входит оценка надежности или проверка достоверности свидетельских показаний (в то время как в действительности это входит в компетенцию суда, а не психолога). В реальности КСПЛЭ помогает выяснить, могли ли повлиять возрастные и/или индивидуальные особенности личности на достоверность сообщаемой человеком информации, а также исследовать, какие психологические особенности подэкспертного могут свидетельствовать в пользу достоверности его показаний, а какие – против [6].

Рассматривая данное направление вопросов, эксперты сталкиваются с такими задачами, как определение однородности исполнения и авторства, диктовка текста показаний, преднамеренное искажение письменной речи. Для их решения используются методы психолингвистики [3].

КСПЛЭ может также выявить признаки подготовленности как устной, так и письменной речи. В устной форме речи выделяют три группы признаков подготовленности: фонетические, лексико-грамматические и текстовые. В письменной форме речи выделяют две группы признаков: лексические и текстовые. Помимо этого учитываются индивидуальные навыки и

ошибки речепорождения (орфографические, лексико-фразеологические, грамматические и стилистические) [1].

Последним, но немаловажным вопросом данного вида экспертизы является выявление противоречий в показаниях. Противоречие – это положение, при котором одно (высказывание, мысль, поступок) исключает другое, не совместимое с ним. То есть, при анализе материала выявляются такие показания, которые являются исключаящими (противоречащими) другим показаниям по одинаковому делу, фрагменту, поступку [5].

В результате психологического и психолингвистического анализа текста, материалов уголовного дела, эксперты могут сделать выводы о подготовленности, достоверности или противоречивости показаний.

В заключение хотелось бы высказать личное мнение о том, что комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза является для студентов-психологов одной из самых интереснейших и актуальных судебно-психологических экспертиз, а участие в ее проведении - уникальный опыт для дальнейшей профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения: Монография / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. М.: СТЭНСИ, 2003. 236 с.
2. Енгальчев В.Ф., Шипшин С.С. Практикум по судебно-психологической экспертизе: учебно-методическое пособие для экспертов, учебное пособие студентов факультетов психологии высших учебных заведений. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2010. 212 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник для студ. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 288 с.
4. Нагаев В.В. Основы судебно-психологической экспертизы: Учеб. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2000. 333 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Большой Толковый Словарь. Том 4. (П-Р). М.: Издательство "Азъ", 1992. 315 с.

6. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П.. Психологическая экспертиза несовершеннолетних в уголовном процессе. Научно-методическое пособие. М., 2001. 72 с.
7. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология: Учеб. Пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
8. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.

Факторы риска противоправного агрессивного поведения у подростков и юношей (психологический аспект)

*Назарова Н.Г., студентка Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук,
доцент Ошевский Д.С.*

В настоящее время наметилась тенденция к снижению противоправного поведения среди несовершеннолетних, однако данные официальной статистики все еще свидетельствуют о высокой криминальной активности этого контингента и о стабильно высоком уровне агрессивно-насильственных общественно-опасных деяний.

Отечественные и зарубежные исследователи выделяют ряд факторов риска противоправного агрессивного поведения несовершеннолетних. Туда входят: наследственные факторы (Rutter M., Gould M., 1985; Гурьева В.А., 2001 и др.), социальные, в частности, семейный фактор (Лисина М.И., 1997; Боулби Дж., 2004;), психологические факторы (Дозорцева Е.Г., Макушкин В.Д, Ошевский Д.С. и др., 2009).

В зарубежной практике широко используются стандартизированные методы оценки рисков противоправного поведения, основанные на оценке факторов риска и защитных факторов. Однако не всегда эти методы имеют психологическую направленность и содержание. Между тем, комплексное

выявление факторов и условий, от которых зависят проявления агрессивного и противоправного поведения несовершеннолетних, поможет найти такую систему воспитания, при которой, учитывая особенности и трудности данного возрастного периода, можно будет предупредить и скорректировать агрессивные и антисоциальные проявления. Кроме того, при таком подходе появится возможность управлять рисками агрессивного поведения несовершеннолетних. Вышеуказанными аспектами обусловлена актуальность настоящего исследования.

Цель работы - описание факторов риска противоправного агрессивного поведения у подростков и юношей.

Методы исследования. «Опросник самооотношения» В. В. Столина, «Тест фрустрационной толерантности» С. Розенцвейга, «Тест руки» Э. Вагнера, «Цветовой тест отношений» А.М. Эткинда, методика «ОРВ». Статистические методы реализовывались в программе STATISTICA 10.0. Применялись: критерий Mann–Whitney (U), непараметрическая корреляция по критерию Spearman ($p=0,05$), кластерный анализ.

Материал исследования. Для выявления факторов риска противоправного агрессивного поведения нами были обследованы 2 группы несовершеннолетних, общим количеством 30 человек. В первую группу вошли 15 несовершеннолетних, осужденных за совершение агрессивно-насильственных преступлений. Во вторую группу вошли 15 девиантных подростков и юношей, состоящих на учете в КДНиЗП.

Мы предполагали, что подросткам, совершившим агрессивно-насильственные преступления, агрессивные тенденции присущи в большей степени, чем их сверстникам с девиантным поведением. Однако сравнительный анализ, проведенный по результатам использования «Теста руки» Э.Вагнера, не выявил достоверных различий в проявлении агрессии, несмотря на то, что в обеих выборках данные значения оказались выше нормы. Единственное значимое различие прослеживается по параметру «Коммуникация». По результатам данной методики, девиантные подростки

обладают более развитыми коммуникативными навыками (8,07), чем воспитанники колонии (4,00), и способны к ведению конструктивного диалога без принятия поспешных решений. Однако в условиях группового давления, под влиянием собственных побуждений или в состоянии опьянения данный механизм сдерживания агрессивных побуждений может не сработать. Таким образом, развитие навыков коммуникации рассматривается нами как защитный фактор в условиях просоциального окружения.

Также нами выдвигалось предположение о том, что подростки с противоправным агрессивным поведением менее устойчивы в ситуациях фрустрации, находясь в которых они будут склонны реагировать внешнеобвиняющим образом. Однако выяснилось обратное: девиантные подростки и юноши оказались более склонны к непосредственному обвинению окружающих и отрицанию собственной вины (46,81), чем их сверстники из колонии (34,31). Последним, в свою очередь, в большей степени свойственно не замечать трудности фрустрирующей ситуации или сводить ее к полному отрицанию (42,08).

Вышеизложенные результаты можно объяснить спецификой жизни несовершеннолетних в заключении и формированием у них определенных механизмов сдерживания агрессии и волевого контроля над своими действиями, а также социальной желательностью ответов.

Значимых различий в самоотношении между подростками и юношами в обеих выборках выявлено не было. Общий уровень «Глобального самоотношения» оказался достаточно высоким: это говорит о том, что в целом собственный образ «Я» испытуемыми принимается. Однако шкалы «Самоуважение» и «Отношение окружающих» имеют низкие значения в обеих исследуемых группах. Тем не менее, на уровне тенденции прослеживаются различия по шкале «Самоинтерес», которая отражает меру близости испытуемого к самому себе, в частности интерес к собственным мыслям и чувствам, способность к рефлексии, к рассмотрению и анализу

самого себя, своих поступков и действий. Полученные результаты свидетельствуют о большей способности к рефлексии у девиантных подростков (77,91), в отличие от их сверстников из воспитательной колонии (60,09). Таким образом, рефлексия также может выступать в качестве механизма сдерживания агрессивных побуждений.

Далее нами исследовалась смысловая система личности несовершеннолетних. Так, у воспитанников колонии она разделяется на положительно окрашенные понятия (куда включаются все самоидентификационные категории «Я» - «Я в будущем», «Я-идеальное»), и негативно окрашенные понятия. Данное разделение свидетельствует о недостаточной дифференцированности мотивов и смыслов одновременно с их категоричностью, полярностью и недостаточной реалистичностью. Также полученные результаты свидетельствуют о наличии гипермаскулинной идентичности (понятие «Я сам» связано с ролью отца и брата). Прослеживается непосредственная эмоциональная идентификация с матерью и сиблингами и позитивное ценностное отношение к ним (понятия «Добро», «Счастье», «Надежда»). Еще одной характеристикой смысловой системы личности несовершеннолетних осужденных является разрыв между прошлым и настоящим, где прошлое отвергается, а представления о будущем идеализируются. Это может свидетельствовать о недостаточной преемственности во временной перспективе и о низкой реалистичности взглядов несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии.

При помощи методики «ОРВ» проводился анализ факторов риска агрессивного поведения несовершеннолетнего. Практически по всем шкалам обнаруживаются значимые различия между группами: по всем указанным параметрам осужденные несовершеннолетние имеют большие значения, а соответственно, и более высокий уровень риска совершения противоправных действий.

Так, у воспитанников колонии преобладают: отсутствие должного

контроля со стороны родителей, применение неприемлемых дисциплинарных методов, непоследовательное воспитание. Они практически не имеют социально адаптированных друзей, чего нельзя сказать о девиантных подростках. Основное общение несовершеннолетних, которые были осуждены, происходит в антисоциальных кругах, где и усваивается нормативность агрессивного поведения. Данные выводы также подтверждаются значимыми различиями по параметру «физическая агрессия», проявление которого выше в группе несовершеннолетних правонарушителей. Таким образом, у мальчиков с девиантным выявляется низкий и средний уровень риска противоправного поведения, а у их сверстников-правонарушителей - высокий.

Проведенное исследование позволило сделать ряд **выводов:**

1. У подростков с криминальным агрессивным поведением в ситуации фрустрации отмечается повышенная склонность к фиксации на препятствии к удовлетворению ситуативно возникающих потребностей, что проявляется в форме отрицания значимости этого препятствия;

2. Среди ряда особенностей самоотношения подростков и юношей, отбывающих наказание за агрессивно-насильственные преступления в воспитательной колонии, ведущей является их слабая способность к саморефлексии, что препятствует полному осознанию и интерпретации социальной ситуации;

3. У подростков и юношей из воспитательной колонии выявлена слабо дифференцированная, мало иерархизированная, недостаточно реалистичная и при этом категоричная структура смыслов, мотивов и потребностей, что может рассматриваться в качестве фактора риска агрессивно-насильственного противоправного поведения;

4. Стандартизированный метод оценки риска может быть продуктивно использован как для выявления факторов риска агрессивного противоправного поведения несовершеннолетнего, так и для поиска ресурсных сторон его личности, что существенно расширяет возможности

профилактической, коррекционной и реабилитационной работы с данным контингентом.

Скрининговая оценка проблем психического здоровья у подростков-правонарушителей

*Палий А.Д., студентка Московского городского
психолого-педагогического университета, Москва*
*Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Дозорцева Е.Г.*

В настоящее время в соответствии с новой концепцией работы с несовершеннолетними правонарушителями, в том числе с уже осужденными, особое внимание уделяется индивидуальной работе с подростками, нарушившими закон. Большое значение приобретает составление комплексных программ коррекции, реабилитации, применения воспитательных и медико-психологических мер, охватывающих все проблемные сферы подростка.

Клинико-психопатологическими исследованиями было установлено, что более половины подростков-правонарушителей имеют психические нарушения (пограничные психические расстройства, задержки психического развития, злоупотребление психоактивными веществами и др.). В связи с этим необходимо выявление подростков, нуждающихся в лечении и клинико-психологической помощи. Вместе с тем судебно-психиатрическая и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза психического состояния подростков-правонарушителей проводится не всегда. Ограничены возможности выявления проблем психического здоровья у несовершеннолетних осужденных и в местах лишения свободы. По этой причине комплекс реабилитационных мер, применяемых по отношению к подростку, может быть неполным.

Для выявления признаков психического неблагополучия у подростков-правонарушителей могут быть использованы специальные методики скрининговой оценки психического здоровья, позволяющие быстро получить ориентировочные сведения и выделить группу риска, которая впоследствии может быть обследована более детально с помощью клинических и клинико-психологических методов. В настоящее время мы не располагаем соответствующими отечественными методиками скринингового обследования и адаптируем для использования в российских условиях Массачусетский скрининговый инструмент (MAYSI-2), разработанный в 2000 г. в США Т. Grisso и R. Barnum (русский перевод Е.Г.Дозорцевой). Этот инструмент был создан специально для выделения среди подростков-правонарушителей групп риска по наличию проблем психического здоровья. Однако, так как данный инструмент нуждается в валидации, необходимо оценить соответствие данных, полученных с его помощью, с результатами других, уже апробированных методик. Следует также отметить, что границы групп риска в разных странах и этнокультуральных группах могут отличаться, в связи с чем требуется их уточнение в рамках международных исследований с учетом культуральных особенностей.

Настоящее исследование проводится в рамках адаптации русскоязычного варианта скрининговой методики MAYSI-2 в России. В задачи исследования, помимо получения данных с помощью этого инструмента, входит проведение исследований с помощью ряда методик, направленных на выявление депрессии, тревожности, склонности к отклоняющемуся поведению; это необходимо для проверки характера корреляционных связей между соответствующими показателями и определения валидности некоторых шкал.

В настоящей работе представлены предварительные результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке, состоящей из 45 несовершеннолетних осужденных Можайской мужской воспитательной колонии. Возраст испытуемых составил от 13 до 17 лет.

С помощью скринингового инструмента MAYSI-2 и оригинальных таблиц, разработанных в США для выделения групп риска, из общей выборки испытуемых нами также было условно выделено несколько групп риска, состоящих из подростков с психическими проблемами разной степени выраженности. Было выявлено, что 48% подростков имели опыт злоупотребления наркотиками или алкоголем; 38% испытуемых находились в состоянии высокой тревожности, подавленности или депрессии; у 33% опрошенных выявились проблемы с контролем над гневом и раздражительностью. Проблемы соматического (психосоматического) характера были выявлены у 50% несовершеннолетних. Идея покончить жизнь самоубийством возникала когда-либо у 50% испытуемых. Около половины подростков нуждаются в дополнительном обследовании мыслительной сферы. Опыт переживания психотравмирующей ситуации имеет большинство опрошенных.

Данные, полученные по показателям депрессии и тревожности (с использованием методик Бека и Спилбергера) не противоречат полученным скрининговым оценкам. Так, корреляционная связь показателей личностной тревоги в методиках Спилбергера и MAYSI-2 равна 0,639 при уровне значимости $p=0,05$; уровень корреляции показателей ситуативной тревоги равен 0,444 при уровне значимости $p=0,05$; корреляционная связь между данными смежных шкал MAYSI-2 и данными опросника депрессии А.Бека равна 0,405 при уровне значимости $p=0,05$.

Таким образом, можно утверждать, что возможности шкал опросника MAYSI-2 по выявлению соответствующих феноменов в целом подтверждаются. В связи с этим скрининговый инструмент оценки проблем психического здоровья у подростков требует продолжения адаптации методики MAYSI-2, что должно включать в себя сопоставление результатов, полученных при ее применении, с показателями схожих шкал других, апробированных методик.

Сравнительный анализ результатов, полученных нами, и данных выборочного обследования подростков-правонарушителей в других странах (США, Нидерланды), показывает, что в российской выборке показатели наличия суицидальных идей и опыта травмирующих ситуаций значительно выше, чем у зарубежных испытуемых.

В целом следует констатировать необходимость исследования различий и разработки границ групп риска для российской популяции с углубленным изучением культурального аспекта.

Список литературы:

1. Дозорцева Е.Г, Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Ошевский Д.С., Терёхина С.А., Сыроквашина К.В. Клинико-психологическая скрининговая оценка отклонений в психическом развитии у подростков-правонарушителей: Аналитический обзор. М.: ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2010.
2. Grisso T. Massachusetts youth screening instrument, Version 2: MAYSI-2: user's manual and technical report / Thomas Grisso and Richard Barnum. Rev.ed. Sarasota, Florida, 2006.

Профессионально-психологическое воздействие в работе следователей Следственного Комитета с различным стажем работы

*Попова Е.С., студентка Южного Федерального Университета,
Ростов-на-Дону*

*Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Михайлова О.Ю.*

По мнению Кабаченко Т.С., воздействие следует считать психологическим тогда, когда оно имеет внешнее по отношению к адресату (реципиенту) происхождение и, будучи отраженным им, приводит к изменению психологических регуляторов конкретной активности человека. При этом речь может идти как о внешне ориентированной, так и о внутренне ориентированной активности. Результатом ее может быть изменение степени

выраженности, направленности, значимости для субъекта различных проявлений активности. Психологическое воздействие может рассматриваться и как процесс, приводящий к изменению психологического базиса конкретной активности, и как результат (собственно изменения) (Кабаченко Т.С., 2000).

Согласно Васильеву В.Л., личность следователя формируется в результате сложного процесса превращения требований современного законодательства, соответствующих ведомственных установлений, в убеждения, привычки, личностные качества, навыки и умения, которые возникают у лица, избравшего для себя следственную работу одной из главных жизненных целей (Васильев В.Л., 2006).

Как отмечает Ратинов А.Р., правомерное психическое влияние само по себе не диктует конкретных действий, не вымогает показаний того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, его сознательное отношение к своим гражданским обязанностям. То есть, оно лишь опосредованно приводит человека к выбору определенной линии поведения (Ратинов А.Р., 1967).

Актуальность проблемы настоящего исследования определяется тем, что, в связи с выделением Следственного комитета из состава прокуратуры, возникла потребность в профессионалах следственной деятельности, качество работы которых отвечало бы изменившимся условиям. Выяснение особенностей применения психологического воздействия следователями Следственного комитета позволит разработать меры для повышения эффективности их работы и адаптации в профессиональной деятельности. Новизна выбранной нами темы также велика, поскольку в настоящее время исследования, посвященные сотрудникам Следственного комитета, малочисленны.

Исходя из теоретического анализа проблемного поля данной тематики, мы выдвинули следующую гипотезу: следователи с разным стажем работы будут различаться в части оценивания ими различных способов воздействия

с точки зрения правомерности/ неправомерности и эффективности/ неэффективности.

В качестве объекта нашего исследования выступили следователи Следственного комитета при прокуратуре РФ, работающие на территории Южного федерального округа. Группа испытуемых насчитывала 56 человек, имеющих стаж работы от 1 месяца до 3 лет. Исследование проводилось на базе Института повышения квалификации сотрудников Следственного комитета.

В ходе психодиагностического обследования применялся следующий инструментарий: «Методика многостороннего исследования личности (ММИЛ) по Ф.Б. Березину», «Методика исследования направленности личности в общении (НЛО-А)», методика Кашиновой Н.А. «Отношение к человеку как к ценности», «Методика коммуникативной толерантности В.В. Бойко». Также в ходе исследования был использован разработанный нами опросник для выявления представлений следователей об эффективности и допустимости различных видов психологического воздействия.

В результате тестирования общая группа следователей была поделена на 2 группы. В первую группу мы отнесли следователей со стажем работы в структурах следствия не более 15 месяцев, пришедших после окончания ВУЗа и не имеющих опыта работы. Во вторую группу мы отнесли следователей со стажем работы в структурах следствия более 16 месяцев, как с опытом работы, так и без него.

Анализ показателей некоторых шкал «Методики многостороннего исследования личности (ММИЛ) по Ф.Б. Березину» выявил различия между группой 1 и группой 2 уже в результате простого подсчета полученных данных. Эти различия состояли в таких критериях, как: реализация эмоциональной напряженности в непосредственном поведении (81 и 76 баллов соответственно), выраженность мужских и женских черт характера

(52 и 60 баллов), фиксация тревоги и ограничительное поведение (72 и 78 баллов), аутизация (79 и 84 баллов).

При анализе результатов, полученных в ходе использования «Методики исследования направленности личности в общении (НЛО-А)», было выявлено, что показатели по шкале «манипулятивная направленность личности» одинаково высоки у обеих групп (6 баллов).

В дальнейшем для получения более точной и достоверной картины исследования мы планируем применить статистические методы обработки полученных результатов.

Список литературы:

1. Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. 656 с.
2. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия: учебн. пособ. М., 2000. 530 с.
3. Ратинов А.Р. Судебная психология для следователей. М., 1967. 290 с.

Социально-психологическая характеристика среды пребывания осужденных в местах лишения свободы

*Романова А.И., студентка Южного Федерального Университета,
Ростов-на-Дону*

*Научный руководитель – кандидат психологических наук,
доцент Самойлина Т.Г.*

Люди, попадающие в места заключения, сталкиваются с особыми условиями, значительно отличающимися от тех, что были привычны на свободе. Попадание в места лишения свободы сопровождается психотравмирующими факторами, в связи с чем вопрос о социальной адаптации заключенного приобретает дополнительную актуальность. В процессе адаптации к новым, неординарным условиям существования

человек либо сохраняет свои ценности и ориентации, либо психологически ослабевает, либо наоборот, становится агрессивным.

Отличительной чертой социальной среды осужденных является особая субкультура, формирующаяся в местах лишения свободы. Поэтому так важно исследовать ценности, нормы и правила жизни заключенных, а также их систему социальных ролей.

Специфика общения, контактов осужденных обусловлена жесткими режимными условиями и включает в себя различные ухищрения с целью изыскания путей и средств для удовлетворения их (заключенных) потребностей. Большинство осужденных, отбывая наказание в местах лишения свободы, подчиняются принятым неформальным нормам, которые на время нахождения там становятся ведущими регуляторами социального поведения. Социальная среда осужденных обладает тенденцией к принижению социального и правового статуса личности (по сравнению со свободными гражданами), утрате жизненных перспектив и связей с обществом, депрофессионализации, отсутствию четких планов на будущее.

Целью данного исследования является изучение социально-психологических особенностей среды осужденных в местах лишения свободы.

Для достижения указанной цели, необходимо реализовать следующие задачи:

- исследовать реакции осужденных на факт лишения свободы;
- описать психические состояния, возникающие у осужденных в момент попадания в места лишения свободы;
- изучить связанную с особой адаптивной ситуацией специфику адаптации осужденных,
- проанализировать социально-психологические явления, происходящие в местах лишения свободы;
- выявить статусную иерархию групп осужденных.

Нахождение в местах лишения свободы всегда отражается на психике человека. Особенности психологии осужденных проявляются, прежде всего, в определенном комплексе психических состояний, которые развиваются в местах лишения свободы. К наиболее типичным из них следует отнести:

- состояние ожидания изменений (пересмотра дела, расконвоирования, освобождения);
- состояние нетерпения.

И то и другое характеризуется повышенной психической напряженностью, что иногда приводит к резким срывам в поведении осужденного. Также может развиваться и состояние безнадежности, обреченности, вызывающее апатию, пассивность во всех действиях.

Преодолеть эти тягостные состояния осужденный может при помощи адаптации, приспособления к новым условиям жизнедеятельности, правилам и нормам общежития.

Адаптация к условиям социальной изоляции может происходить адекватным или неадекватным образом.

Основными признаками адекватной реакции являются:

- соответствие поведения осужденного реальной информации о перспективах его пребывания в местах лишения свободы;
- соблюдение им режима отбывания наказания, требований администрации;
- способность контролировать свое поведение и эмоциональные проявления.

Нормальная адаптация характеризуется таким психическим состоянием осужденного, которое ничем существенным не отличается от обычного для него состояния до лишения свободы.

Для неадекватной (патологической) реакции характерно проявление психопатологических признаков у лица, считавшегося до осуждения психически здоровым.

К ним относятся:

- клаустрофобические реакции;
- тревожно-депрессивные состояния;
- негативно-депрессивные состояния;
- негативно-истерические реакции.

Психическое состояние осужденных существенно меняется в зависимости от времени нахождения в пенитенциарном учреждении.

Выделяются определенные фазы (стадии) адаптации осужденных к условиям лишения свободы.

Первая фаза - «общая ориентировка» - состоит в том, что прибывший в исправительное учреждение осужденный на месте знакомится с условиями отбывания наказания.

Вторая фаза - «нивелировка» - наступает примерно через 5-6 месяцев нахождения в местах лишения свободы. Новоприбывшие осужденные становятся похожими по внешним проявлениям на других осужденных.

Третья фаза — «завершение адаптации» — наступает обычно к концу первого года отбывания наказания и характеризуется тем, что осужденные начинают ставить перед собой конкретные цели и стремятся их реализовать в условиях учреждения, а также учатся жить не только прошлым и настоящим, но и надеждой на будущее.

Важной характеристикой личности осужденных являются их ценностные ориентации и стандарты поведения, принятые в определенных группах и предполагающие реализацию в поведении их членов.

В зависимости от того, на какие ценностные нормы ориентированы осужденные, их можно дифференцировать на определенные статусно-групповые категории (страты).

Выделяют следующие страты:

- актив колонии;
- «нейтралы» («пассив»);
- «отрицаловка» («блатари»);
- «пренебрегаемые».

Нахождение в местах лишения свободы подталкивает осужденных к поиску друзей, единомышленников для преодоления чувства одиночества и дефицита общения. В результате этого в исправительном учреждении образуются неформальные малые группы осужденных.

Существуют такие микрогруппы, как:

- «семья»;
- «землячества»;
- криминальные группировки.

В статусно-иерархическом плане члены криминальных группировок в исправительном учреждении могут занимать места по трем уровням:

- лидер;
- авторитеты;
- исполнители.

Таким образом, в условиях пенитенциарной системы влияние социальной среды на личность представляет собой многоуровневую комплексную проблему. С одной стороны, социальная среда осужденных обладает адаптивной функцией - в силу своей стабильности, предсказуемости, значимости для личности. С помощью социальной среды осужденный обретает новый социальный статус, роль, идентичность (взамен тех, что утрачиваются при попадании в пенитенциарную систему). С другой стороны, доминирование неформальных норм в среде заключенных приводит к ослаблению воли отдельных ее участников, в результате чего человек психологически и социально выпадает из рамок культуры, становясь беззащитным перед внушающим воздействием со стороны личностей, имеющих ярко выраженные криминальные установки.

Изучение характеристик социальной среды осужденных необходимо для предупреждения коренных изменений личности заключенных и предотвращения процессов социально-психологической дезадаптации - не только в местах лишения свободы, но и при освобождении, так как от

адаптации осужденного в исправительном учреждении зависит его дальнейшая жизнь.

Список литературы:

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2009.
2. Глоточкин А.Д., Пирожков Б.Ф. Психологические основы режима. Лекция. М., 1968.
3. Платонов К.К., Глоточкин А.Д., Игошев К.Е. Исправительно-трудовая психология. Рязань: РВШ МВД ССР, 1985.
4. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Основы пенитенциарной психологии. Рязань, 2001.
5. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология. М.: ЗЕРЦАЛО, 1998.

Духовно-нравственное воспитание детей-сирот в социально-реабилитационном центре

Сергеева В.С., магистрантка Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара, Арзамас
Научный руководитель – доктор психологических наук,
профессор Щелина Т.Т.

Наше общество в настоящее время переживает всеобщий кризис, который порожден культивировавшейся на протяжении многих веков системой ценностей, направленной на рост материального обогащения. Процессы, обусловившие кризисы, продолжают усугубляться средствами массовой информации. Они стимулируют гонку за материальными благами, поддерживают конкуренцию, представляют насилие, как единственный способ выжить, а «делание денег» - как главную модель социального действия.

В такой сложной ситуации молодой человек «теряет» себя, система его ценностей искажается. Вследствие этого у молодежи появляется чувство нереализованности, ненужности окружающему миру. У большинства людей

появляется неуверенность в себе, в своем завтрашнем дне. Неудовлетворенность сегодняшним положением и требования нового времени вызывают конфликт и стрессовые ситуации во всех сферах общества и в жизни отдельно взятого индивида [3, с. 59].

Современным детям и подросткам сложно ориентироваться в системе ценностей современного общества, отличительной особенностью которого является их (ценностей) пересмотр и переосмысление. То, что совсем недавно воспринималось в качестве очевидных правил и принципов, сейчас либо полностью отвергается, либо вызывает сомнение в «полезности», значимости. Человек теряет веру в старые ценности. Это приводит к тому, что он замыкается в себе, а окружающий мир начинает казаться чуждым и даже враждебным. Разрушение ценностных ориентиров в настоящий период времени не сопровождается появлением сколько-нибудь равноценных новых, что порождает многие социальные проблемы: кризис нравственности и правосознания, социальную нестабильность, падение значимости человеческой жизни, жестокость и насилие.

Данная проблема приобретает особое значение, когда речь идет о детях-сиротах, лишенных родительской поддержки - имеющих негативный социальный опыт, отличающихся от сверстников ослаблением физического и психического здоровья, нравственной устойчивости. Характерным результатом негативных влияний выступает высокий уровень социальной дезадаптации таких детей, низкий потенциал их жизненной самореализации, потребительское отношение к обществу [3, с. 60].

Как отмечают Д.Г. Левчук и О.М. Потаповская, «образование и воспитание, как известно, неделимы, но также общепризнано и то, насколько сложно добиться результатов именно в воспитательной деятельности, вложив в растущее «я» частичку себя. Воспитание ребёнка – это не техника, не мастерство, пусть даже и педагогическое, это питание его любовью и насыщение его мыслей добрыми веяниями. Воспитать ребёнка – создать его» [4, с. 8].

По мнению Т.М. Апостоловой, «формирование нравственных ценностей у детей – это не только первостепенная задача, но и проблема, требующая постоянного решения, обновляемого ежегодно в соответствии с индивидуальными особенностями детей» [1, с. 34].

С учетом этого возникает потребность в проведении специально организованной учебной, воспитательной и коррекционно-развивающей работы по духовно-нравственному воспитанию и формированию у детей-сирот социально значимых личностных качеств и ценностных ориентиров.

Реабилитационный центр для детей-сирот остается главным, и, пожалуй, единственным центром их духовно-нравственного развития и воспитания. Именно поэтому особое значение здесь приобретает роль педагогов. Реабилитационный центр – это особая школа, это школа жизни. И именно воспитателям и учителям необходимо уметь создать для детей в интернате и семью, и школу, и церковь как единство жизни [1, с. 37].

Как отмечают С.А. Лисицына и С.В. Тарасова, педагоги «приобщают детей к прекрасному, учат ценить великолепие мира, воспитывают в них чувство хорошего эстетического вкуса, приобщают к здоровому образу жизни и моральной чистоте» [5, с. 91].

Педагоги реабилитационного центра делают всё возможное для сохранения духовно-нравственных, социокультурных и образовательных ценностей своих учащихся. Именно они имеют возможность педагогического влияния на своих воспитанников и уделяют этой проблеме важнейшую роль в своей профессиональной деятельности.

Работа в центре проводится по нескольким основным направлениям: эстетическое воспитание, патриотическое воспитание, культура поведения, изучение традиций, здоровьесберегающее воспитание. Конечно, это работа проблемная и сложная, потому как к настоящему времени в педагогике механизмы ориентации на ценности вступили в противоречие с общей ситуацией развития современного ученика, стали причиной возникновения ряда противоречий во взаимодействии учителей, воспитателей и наших

воспитанников. Приходится сталкиваться с рядом проблем: негативное влияние прошлого социального окружения, кризис подросткового возраста, изменившиеся условия жизни общества. Но, несмотря на это, несомненно, от системы ценностных ориентаций педагога зависит общая атмосфера образовательного процесса.

Профессия учителя сама по себе постоянно требует не только совершенствования, но и повышения качества его подготовки, в настоящий момент направленной на усиление эмоциональной составляющей профессии, развитие эмпатии, направленности на другого человека как выражение любви, доброты, милосердия. Поэтому далеко не случайны обращения ученых к вопросам развития духовного общения педагога, ориентированного на ценность другого человека, передачу нравственных ценностей, становление коммуникативной культуры [5, с. 94].

А.А. Булгаков считает, что «у детей дошкольного возраста еще отсутствуют субъективное отношение к социальным ценностям, осознанное понимание их смысла, их оценка. Они не могут указать ценности, привлекательные для них в других людях, у них не сформировано еще отношение к детскому коллективу» [2, с. 173].

Младшие школьники осознают предъявляемые к ним социальные ожидания и ориентируются на хорошее поведение. В дошкольном и младшем школьном возрасте закладывается фундамент нравственности, усваивается общечеловеческий минимум моральных норм. Это также сензитивный период для формирования духовно-нравственных чувств. И именно сила и глубина этих чувств, их влияние на поведение ребенка, на его отношение к людям, к природе, к результатам человеческого труда определяют меру нравственной активности [2, с. 179].

Новый уровень и характер развития социальной активности ребенка, отражающийся в особенностях его ценностных ориентаций, отмечается в период перехода от младшего школьного к подростковому возрасту. Подростки поднимаются уже на уровень осознания моральных требований,

формирования представлений о духовно-нравственных ценностях, развития способности к нравственной оценке. Интенсивное общение выступает основой для «тренировки» нравственного поведения. Психологическая роль ценностных ориентаций ребенка на этом этапе формирования его как личности особенно возрастает и усложняется. Последнее обуславливается, в частности, тем, что, в отличие от предыдущего переходного периода, изменение эталонов поведения детей здесь строго не определяется; кроме того, активно развивается потребность ребенка выйти за рамки детского образа жизни, занять общественно важное и оцениваемое место в коллективе сверстников. В подростковом возрасте нельзя говорить о законченном процессе становления ценностных ориентаций, они только развиваются, именно в этот период набирает силу социальная активность, и развитие ценностных ориентаций оказывает определяющее воздействие на личность, ее активность в социальном плане [2, с. 180].

По мнению С.А. Лисицыной и С.В. Тарасовой, «активность в качестве принципа должна пронизывать все стороны процесса воспитания, включая организацию учебного процесса, разработку способов и методов усвоения учебного материала и формирование на этой основе у учащихся мировоззрения. В современных психолого-педагогических исследованиях проблемы развития нравственной активности школьников рассматриваются через организацию их учебной, трудовой и общественной деятельности, через формирование духовных потребностей, интересов и ценностных ориентаций детей и подростков» [5, с. 101].

Таким образом, духовно-нравственное воспитание в реабилитационном центре сопряжено на практике со всеми остальными направлениями воспитания (трудовым, эстетическим, патриотическим, физическим и др.) и является самым главным и сложным из них, потому что духовность – это высшая ступень развития человека.

Список литературы:

1. Апостолова Т.М. Социально-правовая поддержка профилактической работы по преодолению социального сиротства. Учебно-методическое пособие. М.: МГПИ, 2008. 76 с.
2. Булгаков А.А. Наши неуправляемые подростки. М., 2008. 432 с.
3. Воспитание духовности, целомудрия и альтруизма // Тезисы докладов, методические материалы и программы Второй научно-практической конференции. Часть 1. М., 1998. 131 с.
4. Левчук Д.Г., Потаповская О.М. Духовно-нравственное воспитание детей и молодежи России: комплексное решение проблемы. М.: Планета, 2002. 24 с.
5. Особенности работы с детьми и молодежью «группы риска». Пособие для специалистов образовательных учреждений // Под научной редакцией С.А. Лисицына, С.В. Тарасова. СПб.: ЛОИРО, 2006. 228 с.

Психофизиологические характеристики темперамента как один из внутренних факторов деформации готовности к самореализации

Старцев М.Ю., студент Нижневартковского государственного гуманитарного университета, Нижневартовск
Научный руководитель – кандидат психологических наук,
доцент Снегирева Т.В.

Для человека характерно большое количество различных свойств и особенностей. Они включают в себя специфику протекания познавательных процессов, интеллектуальные и иные способности, стили мышления, восприятия, общения, эмоционального реагирования, морально-нравственные качества и множества иных составляющих, бесспорно, оказывающих влияние на поведение личности (Е.В. Змановская, 2003).

Общеизвестно также, что особое место в развитии личности человека занимает подростковый возраст. Поведение подростка в пубертатный период

очень специфично и нередко реализуется на границах принятых обществом норм и ценностей (либо преступает их). А в связи с социально-политическими преобразованиями в России, в частности, с введением ювенального законодательства и принципов ювенальной юстиции, проблемы склонности подростков к девиантному поведению становятся в наше время особенно актуальными.

В данной работе под девиантным поведением понимается система поступков, противоречащих принятым в обществе нормам, и его проявления в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, акцентуированности черт характера, нарушении процесса самореализации (В.Д. Менделевич, 2001; Е.В. Змановская, 2003).

Самореализация, как процесс, не представляется возможной в том случае, если личность к ней не готова, либо эта готовность деформирована. Факторы, способные деформировать структуру готовности личности к самореализации, подразделяются на внешние и внутренние. Под внешними факторами правомерно понимать окружающую подростка социальную среду; внутренним фактором являются, например, психофизиологические характеристики темперамента, специфичные для каждого вида отклоняющегося поведения (Т.В. Снегирева, 2011). Под психофизиологической основой формирования темперамента понимаются такие свойства ЦНС, как сила и подвижность нервных процессов, что отражено в учении И.П. Павлова о типах высшей нервной деятельности.

В данном исследовании основанием для разработки обозначенной проблемы явился тот факт, что до сих пор в научных трудах взаимосвязь силы и подвижности нервных процессов, компонентов самореализации личности и склонности к девиантному поведению до сих пор не была отражена должным образом.

Объектом исследования выступили подростки в возрасте 14-16 лет, общей численностью 80 человек, учащиеся МОСШ № 13 города Нижневартовска. Предметом исследования послужили

психофизиологические характеристики темперамента и компоненты самоактуализации личности подростков, склонных к девиантному поведению.

Для проведения эксперимента был использован следующий психодиагностический инструментарий: опросник А.Н. Орла, позволяющий выявить склонность к различным видам отклоняющегося поведения; опросник А.В. Лазукина в модификации Н.Ф. Калина, направленный на исследование выраженности компонентов самоактуализации личности; методика «Реакция выбора» и экспресс-методика «Теппинг-тест», разработанная Е.П. Ильиным (последние две являются частью компьютерного комплекса для психофизиологического тестирования «НС - ПсихоТест»), позволяющие диагностировать силу нервных процессов и их подвижность. Экспериментальное исследование было направлено на изучение склонности подростков к определенному виду отклоняющегося поведения, компонентов самоактуализации их личности и свойств центральной нервной системы.

В ходе количественной обработки и качественного анализа полученных экспериментальным путем данных было установлено, что по степени выраженности склонности к определенному виду отклоняющегося поведения всех испытуемых можно условно разделить на три подгруппы:

I – ярко выраженная склонность к делинквентному поведению – 18,5%;

II - склонность к преодолению норм и правил – 15%;

III – склонность к агрессивному поведению – 13%.

В каждой из подгрупп выявлялась выраженность компонентов самоактуализации; в расчет принимались также и нижние границы показателей - как вероятные маркеры деформации готовности к самоактуализации. Так, в каждой подгруппе «крайним» в процентном отношении выступил компонент «ценность» - 6,7%, что может свидетельствовать о неадекватном восприятии испытуемыми таких ценностей, как истина, добро, справедливость, порядок.

Связь между видом склонности к девиантному поведению и выраженностью компонента «ценность» в структуре самоактуализации личности испытуемых изучалась с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена. Для определения данной связи сравнивалось рассчитанное значение рангового коэффициента Спирмена с его критическим значением. В результате рассчитанные коэффициенты корреляции Спирмена значительно превысили его критическое значение для данного числа пар (при использовании в данном исследовании коэффициента Спирмена учитывались следующие данные: число пар $n=40$; критическое значение $\rho=0,436$; доверительная вероятность $p=0,05$ (95%)). Таким образом, связь между видом склонности к девиантному поведению и компонентом «ценность» в структуре самоактуализации личности можно признать статистически значимой с доверительной вероятностью 95%. Качественный анализ показал, что наиболее сильная связь выявляется между низким уровнем компонента «ценность» и склонностью к делинквентному поведению.

В результате проведения диагностики психофизиологических характеристик темперамента обнаружилось следующее:

- у испытуемых I подгруппы, склонных к делинквентному поведению, выявлен слабый тип нервной системы с ярко выраженной инертностью нервных процессов (73,5% от числа подгруппы);

- испытуемые II подгруппы, проявившие склонность к преодолению норм и правил, имеют нервную систему средней силы (80%);

- испытуемые III подгруппы, склонные к агрессивному поведению, обладают сильной и подвижной нервной системой (76%).

Статистически значимой связи между типом нервной системы и склонностью к девиантному поведению, а также с низкой уровневой выраженностью компонента «ценность», выявлено не было, однако, можно констатировать наличие тенденции к ней. Данное обстоятельство предполагает продолжение исследований в этой области, выдвижение гипотез и их эмпирическую проверку на других выборках испытуемых.

Список литературы:

1. Змановская Е.В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения. М., 2003.
2. Менделевич В.Д. Психология девиантного поведения. М., 2001.
3. Снегирева Т.В. Проблемы анализа поступка в поведении личности с деформацией готовности к самореализации // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2011. № 3 (18). С. 157-162.

Социальные представления о мизантропии и их взаимосвязь с правосознанием

Фейзуханова Р.Г., студентка Московского городского психолого-педагогического университета, Москва
Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Богданович Н.В.

На современном этапе развития общества неотъемлемой частью средств массовой коммуникации является всемирная сеть интернет. Она, как средство массовой коммуникации, стала важным агентом социализации и формирования личности. Благодаря высокой скорости распространения информации, многие феномены получают огласку и дальнейшую популярность именно через социальные сети, а относительная анонимность и отсутствие невербального контакта позволяют участникам дискуссии высказывать мнения в отношении фактически любого явления.

В настоящее время в сети интернет можно заметить популярность понятия «мизантропия»: в социальных сетях создаются сообщества, публикации с аналогичными названиями, в некоторых из таких сообществ состоит до 97 тыс. людей, активно обсуждающих темы, которые, на их взгляд, сродни мизантропии. Поскольку высказывания многих участников таких дискуссий имеют антисоциальный оттенок (в частности, в пример ставятся убийцы), а некоторые исследования (Sullivan P. L., Adelson J., Bass

В.М.) [2, 3] определяют мизантропию как расширение понятий «ксенофобия», то наличие подобных тенденций в молодежной среде может служить признаком популярности агрессивных и насильственных действий.

Цель исследования: выявить связь между представлениями, характерными для мизантропов, и уровнем правосознания у лиц, имеющих свое представление о данном феномене.

Исследование построено на следующих **гипотезах:**

- у респондентов, поддерживающих взгляды мизантропов и причисляющих себя к таковым, превалирует уровень правосознания соответствующий третьему по теории Дж. Тапп и Ф. Левина (уровень правотворчества) [4], а у респондентов, не относящих себя к мизантропам, правосознание может иметь любой уровень;

- основой представлений о мизантропии является сочетание замкнутости, изолированности личности с презрением социума, его ценностей, норм, догм.

Данные, полученные при помощи анкетирования, показывают, что большинство респондентов (60%) присваивают мизантропии характер ненависти к обществу, а второй параметр определения термина - презрение к его правилам - считается характерным у испытуемых лишь в 30% ответов. В категории ассоциаций отвержение правил и нигилизм характерны в 8,76% случаев. Это позволяет заключить, что определение мизантропа как противника общественного строя не является обязательным, и, тем более, не является ведущим, поскольку этот параметр зачастую опускается в описании перечня качеств, присущим мизантропам. Свое подтверждение данный вывод находит и в определении понятия «мизантропия»: респонденты характеризуют его как «ненависть, неприязнь, презрение людям», «избегание личного контакта», но негативное отношение к ценностям и нормам общества описывается лишь у 10% респондентов (в основном у тех, кто причисляет себя к мизантропам).

Тем не менее, массовость и распространение «мизантропии», определяется практически в равном соотношении как к популярности, моде термина (57,5%), так и к «желанию изменить общественные нормы» (52.5%), хотя сопоставление с «желанием выделиться» более логично. Также считается, что создание сайтов данной направленности обусловлено популярностью самого термина среди молодежи (15-30 лет). Это явление можно обосновать и возрастной спецификой группы интернет-пользователей (подростковый возраст). мода на мизантропию присутствует, в основном, наравне с субкультурами. С психологической точки зрения это объясняется поиском самоидентичности, нигилизмом и эгоцентризмом, присущим подростковому возрасту. Помимо этого утверждается, что «модно быть асоциальным и циничным», «мизантропа часто ассоциируют с циником», «с сарказмом проявляется мизантропия».

Между собой оказались тесно связанными такие характеристики мизантропии, как «замкнутый», «нелюдимый», «интроверт»; обнаружена корреляция на высоком уровне значимости в общей выборке и отдельно в каждой подгруппе. Поскольку при контент-анализе и качественном анализе однозначного мнения по поводу направленности деятельности и суждений мизантропа выявить не удалось, то в анкету был помещен график, на котором респондентам предлагалось расположить «мизантропию». График имеет две пересеченных посередине шкалы: эгоизм-альтруизм и нигилизм-конформность; каждый параметр расшифрован. Большинство респондентов (85%) расположили мизантропию в квадрате эгоизм-нигилизм, 10% придали мизантропии черты альтруизма и нигилизма и 5% - эгоизма и конформности. Ни один респондент не считал возможным поставить феномен между альтруизмом и конформностью.

Данные качественного анализа графика в анкетировании подтверждены корреляционной связью с определением мизантропа как «циника» (-0,485), что демонстрирует устойчивую связь представлений о мизантропе как эгоистичной и циничной натуре. Стоит отметить, что цинизм

определяется респондентами как смешливое, скептическое, критическое отношение к ценностям и нормам. Из этого следует, что представлениям респондентов о мизантропии свойственно скорее приписывание скептического и критического отношения к ценностям и нормам общества через циничное отношение к миру, нежели то, что напрямую определяется самим понятием «мизантропия». Понятие «цинизм» также положительно коррелирует с «замкнутостью» (0,380) и «интровертивностью» (0,403), что подтверждает единство этих черт в рамках характеристики, даваемой мизантропу. Но, тем не менее, сильная связь между этими понятиями (0,509 и 0,423) отмечается лишь в подгруппе респондентов, *не* причисляющих себя к мизантропам.

Категория «высокое интеллектуальное развитие» оказалась связана с понятием «имеет 1-2 друга» (0,354) и наличием «своего кодекса чести» (0,396). Из этого можно заключить, что представление респондентов о мизантропе как человеке, обладающем интеллектом выше среднего, связано с его «избирательностью в связях с людьми», обуславливающей его способность составить свой морально-этический набор ценностей.

Респонденты, относящие себя к мизантропам, в качестве причин ненависти к людям определяют присутствующие у последних лицемерие, эгоизм, отсутствие личного мнения, приоритет материальных ценностей над духовными, разрушающие действия по отношению к экологии, общественным институтам, что вызывает страх за будущие поколения и т.п. В то же время мы допускаем, что недовольство опрошенных отдельными чертами и характеристиками людей может являться следствием негативного опыта, психологической травматизации личности («плохие отношения с родителями», «меня никогда никто не любил, я не знаю, что это» и т.д.).

Таким образом, причины мизантропии можно разделить на следующие группы: негативный опыт; депривация детско-родительских отношений; недовольство обществом, не связанное с личным негативным опытом («серая масса», «разрушают достижения поколений» и проч.).

Выводы

1. У подгрупп респондентов различается уровень правосознания по критерию Манна-Уитни ($p=0,011$). Так, 66% испытуемых подгруппы «мизантропы» имеют третий уровень правосознания, в то время как во второй подгруппе этот уровень правосознания свойственен только 18% (гипотеза подтвердилась).

2. Респондентам, позиционирующим себя как мизантропов, характерно согласие с определениями, имеющими негативно окрашенное отношение к социальным нормам, догмам (гипотеза подтвердилась). Однако стоит отметить, что различия между подгруппами не имеют математически подтвержденных существенных различий.

3. Ядром представлений респондентов о мизантропии является сочетание замкнутости, изолированности личности с ее презрением в адрес социума, его ценностей, норм, догм. Однако видение мизантропии среди опрошенных имеет свою специфику: понятия «мизантроп» и «циник» оказались тесно взаимосвязаны. Примечательно, что считающийся характерным для мизантропов цинизм упоминался одновременно с пояснением, что сам по себе циник не обязательно является мизантропом. Презрение же к социальным нормам в мизантропии рассматривается именно через категорию цинизма и не выделяется как отдельное направление.

Список литературы:

1. Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
2. Bass В. М. Authoritarianism or acquiescence? The Journal of Abnormal and Social Psychology, Vol 51(3), Nov 1955, 616-623.
3. Sullivan P L., Adelson, J. Ethnocentrism and misanthropy. The Journal of Abnormal and Social Psychology, Vol 49(2), Apr 1954, 246-250.
4. Tapp J.L., Levine F.J. (Eds). Law, justice and the individual in society: psychological and legal issues. N.Y., 1977.

Информация о научных руководителях

Архипова Татьяна Тимербаевна, старший преподаватель кафедры психологии образования и развития Нижневартовского государственного гуманитарного университета (Нижневартковск)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Вуколова Ольга Витальевна, преподаватель кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дебольский Михаил Георгиевич, заведующий кафедрой пенитенциарной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дозорцева Елена Георгиевна, заведующая кафедрой юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Душкин Антон Сергеевич, преподаватель кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Енгальчев Вали Фатехович, заведующий кафедрой общей и юридической психологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, доктор психологических наук, профессор (Калуга)

Калашникова Анна Сергеевна, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Михайлова Ольга Юрьевна, профессор кафедры юридической и военной психологии факультета психологии Южного федерального университета, профессор кафедры психологии образования и развития Нижневартковского государственного гуманитарного университета, доктор психологических наук, профессор (Ростов-на-Дону, Нижневартовск)

Ошевский Дмитрий Станиславович, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Самойлина Татьяна Григорьевна, доцент кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии Южного Федерального университета, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Снегирева Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой психологии образования и развития Нижневартковского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент (Нижневартовск)

Щелина Тамара Тимофеевна, декан факультета психологии и педагогики Арзамасского государственного педагогического института им. А.П. Гайдара, доктор психологических наук, профессор (Арзамас)

СОДЕРЖАНИЕ

Апанасюк М.Н. Проявления фрустрационных реакций в различных сферах жизнедеятельности старших школьников	4
Бахарева Е.А. Влияние условий отбывания наказаний на выраженность потребностей осужденных	7
Безрукова Е.Г. Компетентность в профессиональном общении как фактор социальной эффективности сотрудника полиции	11
Бублей М.В. Психологические проблемы анализа поведения делинквентных подростков	15
Будыкин А.В. Агрессивное поведение и копинг-стратегии у подростков	21
Будыкин С.В. Влияние жизнестойкости личности на переживание экстремальных ситуаций (на примере гражданских лиц и сотрудников спецподразделений)	25
Груздева А.О. Некоторые стереотипы социального восприятия сотрудников органов внутренних дел в ситуации минимума доверия в отношениях между российскими полицейскими структурами и населением	30
Есипова Д.Е. Взаимосвязь эгоцентризма и показателей ПТСР у лиц, принимавших участие в боевых действиях	35
Жигачев А.С. Развитие правосознания у студентов, обучающихся на факультетах с юридической направленностью	40
Захарченко Д.А. Психологические проблемы жертв преступлений, получивших сочетанную и множественную соматическую травму	43
Кузнецова Т.А. Применение метода игротерапии в работе с детьми младшего школьного возраста	47
Лозовенко А.С. Стиль воспитания в семье и ценностные ориентации у подростков с девиантным поведением	49

Моисеев А.В. Из опыта участия студентов в проведении КСПЛЭ на базе НИЦСЭИК КГУ им. К. Э. Циолковского	54
Назарова Н.Г. Факторы риска противоправного агрессивного поведения у подростков и юношей (психологический аспект)	57
Палий А.Д. Скрининговая оценка проблем психического здоровья у подростков-правонарушителей	62
Попова Е.С. Профессионально-психологическое воздействие в работе следователей Следственного Комитета с различным стажем работы	65
Романова А.И. Социально-психологическая характеристика среды пребывания осужденных в местах лишения свободы	68
Сергеева В.С. Духовно-нравственное воспитание детей-сирот в социально-реабилитационном центре	73
Старцев М.Ю. Психофизиологические характеристики темперамента как один из внутренних факторов деформации готовности к самореализации	78
Фейзуханова Р.Г. Социальные представления о мизантропии и их взаимосвязь с правосознанием	82

**Сборник тезисов участников межвузовской научно-практической
интернет-конференции по юридической психологии (21-25 мая 2012 года)**

Редакционная коллегия:

В.В. Рубцов, Е.Н. Задорина, Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов,
С.Н. Ениколопов, М.Г. Дебольский, И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева

Корректоры: Л.А. Соколова, К.Б. Бригида

Компьютерная верстка: И.Н. Коноплева

Подписано в печать: 21.05.2012.

Уч.-изд. л. 4.